

П Е Т Е Р Б У Р Г - 2 0 0 5

ЕЖЕГОДНАЯ ВЫСТАВКА НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ

6 - 25 ЯНВАРЯ 2006 ГОДА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ "МАНЕЖ"

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ

ВЕРНИСАЖ - 6.01 в 16.00

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ "ГЕРОИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ. 1950-е - 1980-е" - 7.01. 16.00

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК "СВЯТОЧНЫЙ КАРНАВАЛ" - 8.01. 14.00 - 17.00
ОРГАНИЗАТОР - ДЕТСКИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР "КИТЕЖГРАД"

ПРОГРАММА ПЕРФОРМАНСА - 14.01. 15.00
ИГУАН ДАНС ТЕАТР. ТЕАТР "САТУРН". ODD ДАНС ТЕАТР

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА ВАЛЕНТИНА АФАНАСЬЕВА
«ИСКУССТВО ЗРИМОЙ МУЗЫКИ» - 14.01. 17.00

ДЕНЬ ПОЭЗИИ - 15.01. 15.00 - 18.00

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ЖАНРОВАЯ ФОТОГРАФИЯ" - 21.01. 14.00
ОРГАНИЗАТОР - ФОНД "ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФОТОМАСТЕРСКИЕ"

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ - 22.01. 16.00
НАГРАЖДЕНИЕ ДИПЛОМАМИ ВЫСТАВКИ

ВИДЕОПРОГРАММА - ЕЖЕДНЕВНО. 16.00 - 18.00
ФИЛЬМЫ ВИКТОРА ТИХОМИРОВА, ГРУППЫ "НОМ" и др.

- АГАБАБОВА Татьяна Петровна. 1947
Осень. 2005. Бумага, акварель. 40x60
- АГАБЕКОВ Александр Суренович. 1936
Адюльтер. 2005. Холст, смеш. техника. 62x43
- АГАРКОВА Наталья Ивановна. 1962
«Крузенштерн». 2005. Холст, масло. 65x55
- АДГАМОВ Рашид. 1951
Дворик. 2005. Холст, масло. 90x80
- АКОПЯН Дорвард Гургенович. 1943
Победитель. 2005. Холст, масло. 80x60
- АКУЛИНИЧЕВ Виктор Михайлович. 1945
Чертополох. 2005. Бумага, акварель. 52x67
- АКУЛОВИЧ Елена Сергеевна. 1983
Портрет. 2005. Картон, масло. 55x45
- АЛЕКСЕЕВ Андрей Анатольевич. 1959
Трафик. 2005. Холст, масло. 70x100
- АЛЕКСЕЕВ Федор Львович. 1952
Вид на Меньшиковский дворец. 2005. Х., м. 100x150
- АНДРЕЕВ Виктор Дмитриевич. 1955
Композиция. 2005. Холст, акрил. 105x125
- АНДРЮНИНА Светлана Павловна. 1965
Ночь. 2005. Батик. 90x90
- АНОПОВА Валентина Анисимовна. 1938
Фонтан «Солнце». 2005. Бумага, пастель. 50x65
- АНТОНОВ Эдуард Никандрович. 1930
На вернисаже. 2005. Бумага, пастель. 40x60
- АНФАЛОВА Надежда Владимировна. 1976
Черепица. 2005. Фотография. 40x50
- АРХИПЕНКО Илья Александрович. 1982
Без названия. 2005. Фотография. 60x40
- АРШАКУНИ Завен Петросович. 1932
Яблочный спас. 2005. Холст, масло. 90x100
- АСТРЕЙН Лариса Аркадьевна. 1941
Фрагмент. 2005. Холст, масло. 100x130
- АФАНАСЬЕВ Валентин Владимирович. 1945
Проект «Искусство зримой музыки». 2005
- АФАНАСЬЕВА Наталья Владимировна. 1951
Сквозь тучи. 2005. Бумага, акварель. 40x40
- БАБАНИН Сергей Павлович. 1977
Скрипачка. 2005. Витраж, тиффани. 350x300
- БАБИЧ Татьяна Васильевна. 1962
За завтраком. 2005. Холст, масло. 55x40
- БАДАЛОВ Илья Борисович. 1950
Муза. 2005. Холст, масло. 40x45
- БАРЫШЕВ Сергей Викторович. 1963
Полнолуние. 2005. Холст, масло. 50x35
- БАХМЕТЬЕВА Надежда Анатольевна. 1969
Озеро. 2005. Холст, масло. 30x50
- БАХТИЯРОВА Сания Мифтяховна. 1949
Театральная площадь. Последний поклон. Х., м. 120x110
- БЕРЕЗИН Отто Львович. 1937
Явление Христа народу. 2005. Холст, масло. 147x144
- БЕРСЕНЬЕВА Елена Петровна. 1955
Моя собака. 2005. Стекло, пластик. Н 40
- БИРУЛЯ Ирина Михайловна. 1944
Пробуждение. 2005. Холст, масло. 120x70
- БИХТЕР Александр Алексеевич. 1951
Вид от стадиона им. Кирова. 2005. Холст, масло. 75x55
- БЛАГОДАТОВ Иннокентий Николаевич. 1967
Кот и крокодил. 2005. Холст, масло. 125x50
- БОГАТОВА Юлия Николаевна. 1972
Петя и волк. 2005. Холст, масло. 70x110
- БОДРОВ Андрей Игоревич. 1968
Розы. 2005. Бумага, монотипия. 45x35
- БОРИСОВ Виктор Глебович. 1957
Музыка грусти и надежд. 2005. Холст, масло. 75x60
- БОРИСОВ Леонид Константинович. 1942
Автопортрет. Белый треугольник. 2005. Фото. 50x70
- БОРОДИН Станислав Юрьевич. 1950
Яффа. 2005. Холст, масло. 80x90
- БРЕХОВ Юрий Николаевич. 1941
Новоладожский канал. 2005. Бумага, акварель. 48x64
- БУРМИСТРОВ Игорь Александрович. 1959
Две фигуры. 2005. Холст, масло. 130x150
- БУРОВЦОВ Александр Александрович. 1950
Уличный музыкант. 2005. Холст, масло. 100x75
- БУСАРЕВА Марина Юрьевна. 1964
Дыхание парка. 2005. Бумага, монотипия. 65x49
- БУШУЕВ Владислав Геннадьевич. 1946
Утиная охота. 2005. Бумага, темпера, гуашь. 59x79
- БЫКОВА Ирина Анатольевна. 1966
Саркофаг. 2005. Оргалит, sandex. 122x80
- ВАЙНМАН-СТОЖАРОВА Галина Моисеевна. 1940
Букет. 2005. Бумага, темпера. 83x46
- ВАСИЛЬЕВ Александр Поликарпович. 1938
Силуэт. 2005. Фотография. 45x30
- ВАСИЛЬЕВ Анатолий Николаевич. 1940
Композиция. 2005. Бумага, масло. 80x117
- ВАСИЛЬЕВ Николай Владимирович. 1975
Застолье. 2005. Ткань, масло. 200x300
- ВАСИЛЬЕВА Алена Александровна. 1975
Утро в октябре. 2005. Бумага, акварель. 36x56
- ВАСИЛЬЕВА Алина Александровна. 1975
Натюрморт с яблоками. 2005. Холст, масло. 70x50
- ВАСИЛЬЕВА Елена Георгиевна. 1925
Валентина Ивановна. 2005. Кукла. Н 50
- ВАСНЕЦОВА Елизавета Юрьевна. 1937
Нимфы. 2005. Холст, масло. 105x115
- ВЕДЕРНИКОВА Светлана Энгельсовна. 1952
Закат. 2005. Холст, масло. 90x100
- ВЕТРОГОНСКИЙ Андрей Владимирович. 1956
Наводнение. Январь. 2005. Оргалит, масло. 68x86
- ВЕЩЕВ Павел Александрович. 1962
Большая обнаженная. 2005. Холст, масло. 100x120
- ВЕЩЕВА Елена Александровна. 1963
Голгофа-8. 2005. Холст, масло. 80x60
- ВИГЛИНА Вера Моисеевна. 1959
Две птицы. 2005. Шамот. 90x60
- ВИДЕРМАН Владимир Семенович. 1945
Вспоминяя Дионисия. 2005. Холст, масло. 100x80
- ВИЗИРЯКО Александр Васильевич. 1958
Женщина с полным ведром. 2005. Дерево, масло. 87x39
- ВИЛЬЧИНСКАЯ Ирма Витольдовна. 1938
Такса. 2005. Керамика. Н 25
- ВЛАДИМИРОВ Сергей Викторович. 1962
Мужчина. 2005. Дерево, масло. 40x20x15
- ВЛАСОВА Елена Васильевна. 1948
В память о музыканте. 2005. Бумага, гуашь. 50x74
- ВОИНОВ Вадим Серафимович. 1940
Розовый молоток. 2005. Коллаж. 60x47x2,5
- ВОЛКОВА Ирина Петровна. 1955
Часы. 2005. Бумага, смешанная техника
- ВОЛОГЖАНИНА Ольга Игоревна. 1981
Крестный отец. 2005. Ручная печать. 140x256
- ВОЛЧЕК Лика Владимировна. 1961
Маат. 2005. Холст, масло, акрил. 80x80
- ВОРОНКО Станислав Владимирович. 1973
Натюрморт. 2005. Картон, темпера. 85x60
- ВОРОНКОВА Татьяна Анатольевна. 1957
Палаццо Дожей. 2005. Холст, масло. 90x100
- ВОТСКИЙ Виктор Александрович. 1959
Улыбка Джоконды. 2005. Инсталляция. Н 150
- ВЬЮНОШЕВА Ольга Игоревна. 1962
Этажерка. 2005. Холст, масло. 70x50
- ГАВРИЧКОВ Михаил Алексеевич. 1963
Белый истукан. 2005. Объект. Н 180
- ГАДАЕВА Бэлла Ахсарбековна. 1964
Белый буйвол. 2005. Б., смешанная техника. 60x80
- ГАЛЕРКИНА Елена Александровна. 1948

- Дорога в Альпы. 2005. Картон, коллаж. 70x90
 ГАРДЕ Владимир Львович. 1973
 Желтый фонтан. 2005. Холст, масло. 85x95
 ГЕННАДИЕВА Алиса Андреевна. 1977
 Саломея. 2005. Холст, смешанная техника. 200x150
 ГЕРАСИМЕНКО Сергей Григорьевич. 1956
 Терпкий натюрморт. 2005. Холст, масло. 50x60
 ГЕРАСИМОВ Геннадий Вадимович. 1953
 Колокольчики. 2005. Холст, масло. 81x88
 ГЕРАСИМОВ Геннадий Геннадьевич. 1980
 Летний сад. Весна. 2005. Холст, масло. 54x80
 ГИЖА Сергей Николаевич. 1961
 Осень. 2005. Холст, масло. 45x50
 ГИНДПЕР Евгений Анатольевич. 1949
 Царский букет. 2005. Холст, масло. 2005
 ГЛЕВИЦКИЙ Иван Павлович. 1926
 Ладожское озеро. Остров. 2005. Б., акварель. 70x100
 ГОГОЛЕВА Светлана Владимировна. 1961
 Мойка. 2005. Холст, масло. 48x64
 ГОДЕС Олег Залманович. 1946
 Сатир, Менада, козопас. 2005. Терракота. 61x76
 ГОЛОВАНОВ Станислав Дмитриевич. 1940
 Искушение. 2005. Мрамор. Н 45
 ГОЛОВАЧЕВ Борис Федорович. 1939
 Из серии «Стены Мсты». 2005. Холст, масло. 71x105
 ГОЛУБЕВА Лариса Александровна. 1951
 Город. 2005. Холст, масло. 80x60
 ГОРОДКОВ Федор Михайлович. 1945
 Зоя. 2005. Терракота. Н 22
 ГОРОХОВА Евгения Михайловна. 1984
 Степь. 2005. Оргалит, масло. 41x48
 ГОРОХОВА Елена Константиновна. 1933
 Сойки. 2005. Холст, масло, ПВА. 55x55
 ГОРСКАЯ Юлия Сергеевна. 1939
 На золотом столе. 2005. Темпера, картон. 50x79
 ГРЕЦКАЯ И.Л. 1942, ГРЕЦКИЙ Ю.С. 1944
 Движение. Из цикла «Акулова гора». 2005. Х., м. 100x90
 ГРИГОРЬЕВ - БАШУН Вадим Борисович. 1960
 Дуальность. 2005. Холст, масло. 140x110
 ГРИГОРЬЕВ Игорь Витальевич /ДРЮППЭ/. 1962
 Лужский лесок. 2005. Холст, масло. 80x90
 ГРИНЧЕЛЬ (Рассохина) Инна Борисовна. 1962
 Любимый город. 2005. Авторская техника. 260x260
 ГРИЦЕНКО Елена Анатольевна. 1947
 Композиция. 2005. Холст, масло. 100x80
 ГРОЛЬМАН Леонид Яковлевич. 1947
 Шаровая дорога. 2005. Объект. 250x200x70
 ГУБАНОВ Геннадий Павлович. 1935
 Гладиолус. Золотая гора. 2005. Холст, масло. 92x103
 ГУБАРЕВА Татьяна Ивановна. 1966
 Любка. 2005. Холст, масло. 155x105
 ГУДОВА Татьяна Егоровна. 1950
 Подсолнухи. 2005. Бумага, смешанная техника. 80x65
 ГУЩИНА Нина Евгеньевна. 1938
 Композиция. 2005. Керамика. Н 37
 ГЮЛАЗЯН Роберт Патваканович. 1947
 Вечерний натюрморт. 2005. Холст, масло. 67,8x48,8
 ДАШКИНА Саня Кялимуловна. 1958
 Ледниковый период. 2005. Холст, масло. 65x80
 ДЕГТЯРЕВА - ОЛЕНЕВА Муза Викторовна. 1930
 Интерьер с букетом. 2005. Холст, масло. 70x50
 ДЕНИСОВ Вадим Александрович. 1980
 Остров Лауватсааре. Закат. 2005. Фотография. 30x45
 ДЖИГИРЕЙ Алла Александровна. 1964
 Иона. 2005. Холст, темпера. 80x100
 ДИВИНА Надежда Алексеевна. 1953
 Июньский вечер. 2005. Холст, масло. 40x50
 ДОБАШИНА Любовь Васильевна. 1943
 Девушка. 2005. Фаянс. 31x11x10
 ДОЛИНСКИЙ Люциан. 1942
 Женский портрет. 2005. Холст, масло. 79x58
 ДОМИНОВ Рашид Рауфович. 1946
 Гроссмейстер. 2005. Холст, масло. 150x120
 ДУХОВЛИНОВ Владимир Анатольевич. 1950
 Утро Египта. 2005. Холст, масло. 90x220
 ДЪЯКОВА Нина Васильевна. 1948
 Уличный базар. Мексика. 2005. Бумага, акварель. 48x68
 ДЯДЧЕНКО Игорь Вячеславович. 1953
 Танго. 2005. Дерево. 45x45x25
 ЕВСИН Сергей Леонидович. 1960
 Красная церковь. 2005. Холст, масло. 50x60
 ЕВСИНА Елена Викторовна. 1962
 Деревья. 2005. Холст, акрил. 90x70
 ЕГОРОВ Александр Петрович. 1956
 Город в Крыму. 2005. Бумага, карандаш, акварель. 40x50
 ЕГОШИН Герман Павлович. 1931
 Цветы и фрукты. 2005. Холст, масло. 62,5x83
 ЕЛИНЕР Евгений Эдуардович. 1960
 Яблоко познания. Фотография. 70x70
 ЕРМОЛАЕВ Денис Викторович. 1973
 Без названия. 2005. Фотография. 30x45
 ЕРШОВ Михаил Михайлович. 1945
 Чаша. 2005. Бетон. Н 34
 ЕРШОВА Инна Владимировна. 1945
 Старый сад. 2005. Терракота. Н 40
 ЕФРЕМОВ Александр Петрович. 1951
 Представление начинается. Холст, масло. 120x86
 ЖЕЛУДЬ Анна. 1981
 Алоэ. 2005. Холст, масло. 60x40
 ЖУКОВ Владимир Васильевич. 1933
 Крыши. 2005. Холст, темпера, акрил. 110x110
 ЖУКОВ Илья Владимирович. 1968
 На охоте. 2005. Холст, масло. 70x100
 ЗАБИРОХИН Борис Павлович. 1947
 Проходной двор. 2005. Бумага, темпера. 60x80
 ЗАДОРИН Александр Евгеньевич. 1941
 Девочка с гармошкой. 2005. Холст, масло. 120x100
 ЗАЙЦЕВ Александр Павлович. 1937
 Пиковая дама. 2005. Холст, масло. 120x90
 ЗАЙЦЕВ Федор Александрович. 1985
 Деревня. 2005. Холст, масло. 30x60
 ЗАМАЛЕЕВ Талгат Фарагатович. 1959
 Последний снег. 2005. Холст, масло. 40x80
 ЗАРЕЦКАЯ Юлия Михайловна. 1965
 Без названия. 2005. Холст, масло. 62x90
 ЗАСЛАВСКИЙ Анатолий Савельевич. 1939
 Георгий Василевский. 2005. Холст, масло. 127x70
 ЗАХАРЕНКО Сергей Николаевич. 1956
 Портрет молодого человека. 2005. Бумага, масло. 58x39
 ЗАХАРОВ Александр Викторович. 1954
 Залив. 2005. Холст, масло. 50x60
 ЗАХАРОВ Олег Владимирович. 1964
 Снятие с креста. Бумага, смешанная техника. 30x20
 ЗАХАРОВА Лариса Вячеславовна. 1977
 Ариадна и Тезей. 2005. Горячая эмаль. 40x40
 ЗИЗЮЛИН Сергей Николаевич. 1958
 Прищепки. 2005. Фотография. 45x30
 ЗИНОВЬЕВ Олег Ефимович. 1937
 Отец-листопад. 2005. Бумага, карандаш. 40x30
 ЗИНШТЕЙН Арон Иосифович. 1947
 Даная в зеленых тапочках. 2005. Холст, масло. 87x150
 ИВАНОВ Виктор Борисович. 1948
 Прощание. 2005. Холст, масло. 67x77
 ИВАНОВ Владимир Васильевич. 1950
 Сидящая. 2005. Песчаник. Н 65
 ИВАНОВ Игорь Васильевич. 1934
 Мятая бумага. 2005. Холст, масло. 57x76
 ИВАНОВ Михаил Константинович. 1944
 Л. Гуревич - муза андеграунда. 2005. Х., м. 40x40
 ИВАНЧЕНКО Семен Иванович. 1952

- Композиция № 5. 2005. Б., смешанная техника. 40x50
 ИСАЕВА Ольга Ивановна. 1961
 Сириновый пруд. 2005. Холст, масло. 60x80
 ИСКИЭДРО Мануэль. 1956
 Кактус. 2005. Шамот. Н 40
 КАВЕРЗИНА Марина Юрьевна. 1961
 Саксофон. 2005. Холст, масло. 152x167
 КАГАДЕЕВ А.В., КОПЕЙКИН Н.А.
 Посвящается 100-летию Хармса. 2005. Инсталляция
 КАГАНСКИЙ Игорь Борисович. 1929
 Астероид Поллака. 2005. Б., смешан. техн. 80x60
 КАЗАРЯН Ашот Александрович. 1957
 Эротический сон. 2005. Бронза, гранит. 45x15x15
 КАЗБЕКОВ Латиф Кожаметович. 1954
 Движение белого. 2005. Авторская б., литье. 82x64
 КАЗБЕКОВА Лейла Латифовна. 1977
 Аллеи парка. 2005. Бумага, пастель. 50x70
 КАЗИМОВ Станислав Юрьевич. 1979
 Время Луны (Змея). 2005. Авторская бумага. 80x60
 КАМИНКАР Михаил Леонидович. 1975
 Бутылки. 2005. Керамика. Н 73
 КАМИНКАР Даниил Дмитриевич. 1977
 Мамонт. 2005. Дерево. Н 150
 КАМИНКАР Дмитрий Давыдович. 1949
 Полная Луна над одиноким седоком. 2005. Дерево. Н 300
 КАПИНОС Михаил Леонидович. 1972
 Осень в деревне. 2005. Фотография. 40x50
 КАРАСЕВА Лариса Владимировна. 1974
 Ночь. 2005. Холст, масло. 60x80
 КАРЛЫХАНОВ Николай Александрович. 1955
 Сидящая. 2005. Дерево. 90x60x50
 КАРЛЫХАНОВА Светлана Валентиновна. 1951
 Голос травы. 2005. Шамот, ангобы, соли. 70x50x45
 КАТОНИН Сергей Леонидович. 1953
 Свирский заповедник. 2005. Холст, масло. 60x90
 КАШИН Павел Артемьевич. 1955
 Без названия. Холст, масло. 2005. 90x70
 КИМ Наталья Витальевна. 1953
 Пейзаж. 2005. Картон, масло. 55x63
 КИСЕЛЕВ Николай Александрович. 1967
 Пейзаж. Первоэлемент. 2005. Оргалит, масло. 48x24
 КИТАЕВ Александр Александрович. 1952
 Санкт-Петербург. Фотография. 30x40
 КЛОПОВА Людмила Михайловна. 1947
 Заготовка веников. 2005. Вышивка. 60x40
 КНЯЗЕВ Игорь Владимирович. 1968
 Бабуля. 2005. Керамика. Н 10
 КОВАЛЕНКО Наталия Семеновна. 1956
 Визит. 2005. Холст, масло. 90x75
 КОВАЛЬСКИЙ Сергей Викторович. 1948
 Композиции в цвете музыки Арчи Шелпа. Х., м. 80x100
 КОВЕНЧУК Георгий Васильевич. 1933
 Зима в Стокгольме. 2005. Холст, масло. 80x60
 КОВЕНЧУК Жанна Михайловна. 1940
 Букет. 2005. Холст, масло. 60x40
 КОЗИН Владимир Петрович. 1951
 Огонек. Социалистический экспрессионизм
 Пресс-арт, масло, сезаль. 120x300
 КОЗЛОВ Борис Алексеевич /БАК/. 1931
 Петроградская сторона. Малый проспект. К., м. 44,5x61
 КОЛИБАБА Леонид Яковлевич. 1946
 Дон Кихот. 2005. Дерево. Н 300
 КОЛОСОВА-ЛИСОВСКАЯ Марина Михайловна. 1925
 Фестивалю «Белые ночи». 2005. Керамика. Н 80
 КОМАРОВА Надежда Константиновна. 1964
 На заливе. Петергоф. 2005. Холст, масло. 50x75
 КОМЕЛЬФО (Фомичев В.М.) 1953, НОРИНА З.М. 1957
 Восточный тугезер. 2005. Холст, масло, ковер
 КОННИКОВ Петр Петрович. 1955
 Собрание. 2005. Холст, масло. 120x200
 КОНОВАЛОВА Евгения Ивановна. 1965
 Буратино. 2005. Коллаж. 56x44
 КОНСТАНТИНОВА Екатерина Петровна. 1967
 Коломна. 2005. Холст, масло. 50x70
 КОПЕЙКИН Николай Андреевич. 1966
 ЧеЧе. 2005. Холст, акрил
 ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ: Н.ПОДОЛЬСКИЙ,
 П.КРУСАНОВ, С.КОРОВИН, С.НОСОВ, В.РЕКШАН, А.СЕКАЦКИЙ
 Проект «Годовой отчет». 2005
 КОРОЛЬЧУК Андрей Александрович. 1961
 Лунное затмение. 2005. Холст, масло. 50x70
 КОСТЕНКО Глеб Петрович. 1977
 Валаам. 2005. Холст, масло. 80x90
 КОСТЕНКО Елена Михайловна. 1926
 Портрет блокадницы Т.В. Карасевой. Х., м. 70x60
 КОХИСТАНИ Валентина Анатольевна. 1956
 Бедлан. 2005. Бумага, пастель. 80x60
 КОЧУКОВ Николай Сергеевич. 1920
 Портрет подводника Ю.В. Федорова. 2005. Гипс. Н 37
 КОЧУКОВА Екатерина Николаевна. 1960
 Маленький дрессировщик. 2005. Шамот. Н 37
 КОШЕЛОХОВ Борис Николаевич. 1942
 Композиция. 2005. Холст, масло. 90x80
 КРАВЧЕНКО Эдуард Олегович. 1968
 Встреча. 2005. Холст, масло. 50x70
 КРАСИЛЬНИКОВА Татьяна Николаевна. 1938
 По жизни вместе. 2005. Холст, масло. 60x70
 КРУГЛОВ Александр Сергеевич. 1952
 Бакинские мальчики. 2005. Б., линогравюра. 40x60
 КРЫЛОВА Татьяна Владиславовна. 1967
 Лифт VI. 2005. Бумага, гравюра на фанере. 52x47
 КУГУШЕВ Наиль Исламович. 1958
 Пейзаж М 573-1. 2005. Б., смешанная техника. 39x50
 КУДРЯВЦЕВА Тамара Ивановна. 1954
 Утро в Нормандии. 2005. Б., акварель, темпера. 60x85
 КУЗНЕЦОВА Екатерина Алексеевна. 1970
 Портрет. 2005. Бумага, акварель. 60x60
 КУЛАКОВ Юрий Анатольевич. 1958
 Дорога. 2005. Фотография. 30x40
 КУЛЬБИН Алексей Георгиевич. 1961
 Зимний вечер. 2005. Холст, масло. 87x57
 КУПИН Борис Павлович. 1939
 Без названия. 2005. Картон, масло. 50x68,5
 КУПРИЯНОВ Виктор Гаврилович. 1945
 Ангелы у воды. 2005. Холст, масло. 70x100
 КУРАКОВА Надежда Витальевна. 1980
 Альдога. 2005. Гобелен. 100x150
 КУРЕНКОВА Тамара Александровна. 1950
 Ваза «Петух». 2005. Керамика. Н 25
 КУЦЕНКО Людмила Викторовна. 1930
 Композиция № 65. 2005. Оргалит, масло. 75x63
 ЛАВРЕНТЬЕВ Владимир Сергеевич. 1947
 Домик рыбака. 2005. Бумага, акварель. 53x75
 ЛАГУТИН Петр Николаевич. 1952
 Антиквар. 2005. Холст, масло. 120x107
 ЛАПИНА Ольга Ивановна. 1953
 Старый Крым. 2005. Холст, масло. 40x60
 ЛАРИОНОВА Вера Викторовна. 1953
 Дворик. 2005. Бумага, пастель. 47x53
 ЛЕБЕДЕВ Михаил Александрович. 1959
 Без названия. 2005. Фотография. 40x60
 ЛЕБЕДЕВА Татьяна Леонидовна. 1955
 Красные. 2005. Фотография. 30x33
 ЛЕВИТИН Андрей Анатольевич. 1947
 Дрова. 2005. Холст, масло. 75x90
 ЛЕЙБОВИЧ Феликс Ильич. 1939
 Грех предаваться унынию. 2005. Гор. батик. 120x80
 ЛЕЩИНСКИЙ Кирилл Валентинович. 1966

- Вечерний Ленинград. 2005. Холст, масло. 100x80
 ЛИНЦБАХ Юлия Евгеньевна. 1959
 Художник Валерий Лукка. 2005. Холст, масло. 60x40
 ЛИПАК Василий Юрьевич. 1945
 У причала. 2005. Холст, масло. 50x70
 ЛИТВЯКОВА Татьяна Анатольевна. 1958
 Старый двор. 2005. Смешанная техника. 36x55
 ЛИХАЧЕВ Александр Владимирович. 1968
 Африканская богиня. 2005. Шелк, батик. 85x120
 ЛОЦМАН Александр Дмитриевич. 1947
 Зимний день. 2005. Холст, масло. 60x80
 ЛУКИН Евгений Николаевич. 1945
 Сны. 2005. Керамика. Н 12
 ЛУККА Валерий Николаевич. 1945
 Человек с большой рукой. 2005. Х., смеш. техн. 90x70
 ЛЫСКОВА Алла Николаевна. 1974
 Летняя терраса. 2005. Бумага, карандаш. 70x50
 ЛЮБИН Кирилл Валентинович. 1979
 Этюд освещения. 2005. Фотография. 40x30
 МАЗУР Виктория Эдуардовна. 1970
 Сирень. 2005. Холст, масло. 71x62
 МАКАРОВА Мария Николаевна. 1978
 Синие дома. 2005. Бумага, гуашь
 МАКСИМОВ Эрнест Семенович. 1937
 Старый канал. 2005. Холст, масло. 55x68,5
 МАКСЮТОВА Ирина Радиковна. 1975
 Горгона. 2005. Бронза. Н 25
 МАЛИК Рустам. 1966
 Лето. 2005. Холст, акрил. 70x55
 МАЛЫШЕВ Виктор Иванович. 1938
 Натюрморт с апельсином. 2005. Б., акварель. 40x50
 МАЛЬКОВ Кирилл Юрьевич. 1965
 На Мойке. 2005. Холст, масло. 60x80
 МАНЖАЕВ Геннадий Николаевич. 1950
 Утро на окраине города. 2005. Бумага, пастель. 50x60
 МАНУКЯН Грета Гургеновна. 1950
 Ангелы на дорогах. 2005. Б., смеш. техника. 60x80
 МАРКЕВИЧ Виктория Николаевна. 1961
 Бахчисарай. 2005. Бумага, гуашь. 48x39
 МАРКУЛЬ Дмитрий Борисович. 1949
 Ангел-хранитель. 2005. Холст, масло. 90x60
 МАРКУС Анна. 1958
 Дорога. 2005. Холст, масло. 120x100
 МАТИНСОН Борис Мартинович. 1936
 Дорога. 2005. Оргалит, масло. 48,5x61,5
 МАСЛЕННИКОВА Ирина Николаевна. 1925
 Поэзия цветов России. 2005. Холст, масло. 70x58
 МАСЛОВ Анатолий Алексеевич. 1938
 Феодосия. Порт. Поехали. 2005. Холст, масло. 60x80
 МАТВЕЕВ Р. М. 1955, КАШТАНОВ В. А. 1954
 Аквариум. 2005. Бумага, компьютерная графика. 58x32
 МАТРОСОВ Александр Павлович. 1965
 Узелки 14. 2005. Фотография. 50x50
 МЕДВЕДЕВ Александр Васильевич. 1957
 Проект «Пан-медийные студии». 2005
 МЕДВЕДЕВ Юрий Александрович. 1939
 Веселуха. 2005. Холст, масло. 100x120
 МЕЖЕРИЦКИЙ Игорь Васильевич. 1956
 Умиление. 2005. Бумага, акрил. 80x60
 МЕЛЬНИК Андрей Владимирович. 1964
 Без названия. 2005. Холст, масло. 120x90
 МЕЛЬНИКОВ Всеволод Михайлович. 1948
 Птичка. 2005. Гранит. Н 40
 МЕТИК Валерий Александрович. 1941
 Дама в голубом. 2005. Холст, масло. 90x70
 МЕТИК Сергей Валерьевич. 1972
 Весна в Питере. 2005. Холст, масло. 50x65
 МИКУЛЬСКИЙ Станислав Юрьевич. 1956
 Деревня Поддубье. 2005. Холст, масло. 30x40
 МИРОНОВ Валерий Сергеевич. 1954
 Натюрморт с камнем. 2005. Холст, масло. 60x70
 МИФ Роберт. 1966
 Мой дворик. 2005. Холст, масло. 50x60
 МИХАЙЛОВ Павел Алексеевич. 1979
 Канал Грибоедова. 2005. Холст, масло. 50x70
 МИХАЙЛОВА Л. В. 1962, ШАХОВА Н. Б. 1962
 Дождь. 2005. Фотофильм-печать, роспись. 90x90
 МИХАЙЛУЦА Владимир Петрович. 1957
 Портрет. 2005. Компьютерная графика. 30x45
 МИХНОВСКАЯ Лена. Композиция 1. 2005
 Оргалит, смешанная техника. 50x40
 МИШИН Андрей Валерьевич. 1964
 Равновесие. 2005. Бронза, литье. 18x33,5x9
 МИШИН Валерий Андреевич. 1939
 Живопись последнего сезона. 2005. Х., масло. 10x90
 МОЛЕВ Александр Валентинович. 1952
 Акробат. 2005. Дерево, акрил. 215x120x80
 МОРОЗОВ Валерий Николаевич. 1953
 Пять времен года. 2005. Холст, масло. 70x90
 МОСКВИН Николай Андрянович. 1943
 Демидов мост. 2005. Холст, масло. 80x56
 МОСКОВСКАЯ Светлана Витальевна. 1956
 Музыка сфер. 2005. Холст, масло. 65x75
 МОТЫЛЕВ Александр Робертович. 1956
 Вавилонская башня. 2005. Медь, эмаль. 80x60x60
 МУНТЯН Юрий Афанасьевич. 1921
 О друзьях-товарищах. Стекло, своб. выдувание, лепка. Н60
 МУРЗИН Александр Алексеевич. 1914
 Автопортрет. 2005. Холст, масло. 80x60
 МУСТАФИНА Эльмира Амировна. 1977
 Сумерки. 2005. Бумага, акварель. 50x65
 МЫЛЬНИКОВА Дарья Всеволодовна. 1974
 Осень в Тунисе. 2005. Холст, смешанная техн. 60x80
 МЫМРИН Виктор Михайлович. 1939
 Петух и деньги. 2005. Холст, масло. 120x154
 НАТАРЕВИЧ Аркадий Михайлович. 1940
 «Весна священная». Стекло, окиси металлов. 100x190
 НАШИВОЧНИКОВ Юрий Алексеевич. 1922
 Герб школы «Храмовая стена». 2005. Орг., м. 71x91
 НЕВЕРОВ Михаил Петрович. 1958
 Вербное. 2005. Бумага, акварель. 44x35
 НЕКРАСОВ Александр Михайлович. 1955
 Сретение. 2005. Холст, масло. 60x50
 НЕКРАСОВ Сергей Михайлович. 1964
 Пригород. 2005. Холст, масло. 60x70
 НЕЛЮБОВИЧ Игорь Андреевич. 1948
 Красное. 2005. Холст, масло. 70x120
 НИКИФОРОВ Павел Александрович. 1979
 Старик. 2005. Гранит. Н 38
 НИКОЛАЕВА Надежда Константиновна. 1952
 Вне структуры. 2005. Б., смеш. техника. 58x72
 НИКОЛЬСКАЯ-БЕЛОГОЛОВАЯ Анна Борисовна. 1962
 Флоксы. 2005. Бумага, пастель. 52x64
 НОСОВ Александр Кириллович. 1947
 Неосуществленное письмо. 2005. Б., пастель. 90x70
 ОБЕДКОВ Валерий Иванович. 1946
 Силуэты. 2005. Холст, масло. 84x89
 ОЖЕГОВ Андрей Викторович. 1962
 Вид на Никольский собор с крыши. 2005. Х., м. 53x72
 ОЛАСЮК Иван Иванович. 1961
 Без названия. 2005. Холст, масло. 150x150
 ОРЕШКИН Виктор Михайлович. 1949
 Библиотека им. Гете. 2005. Холст, масло. 40x60
 ОРЛОВ Валерий Алексеевич. 1947
 Цветы. 2005. Картон, масло. 40x60
 ОРЛОВ Евгений Михайлович. 1952
 На рассвете. 2005. Холст, масло. 130x130
 ОСКОЛКОВ Олег Викторович. 1968
 Детство. 2005. Картон, авторская техника. 80x62
 ОСМИЕВ Михаил Асхабович. 1947

- Абстрактная композиция. 2005. Х., м. 100x140
ОФЛИЯНЦ Ирина Ильинична. 1976
Салют. 2005. Холст, масло. 70x100
ПАВЛОВ Валерий Федорович. 1953
Пуристический неодеко. 2005. Бум., кар. 100x70
ПАВЛОВ Юрий Михайлович. 1935
Автопортрет. 2005. Холст, масло. 86x71
ПАВЛОВА Лариса Владиславовна. 1973
Кормление медведя. 2005. К., цв. пластилин. 47x62
ПАНКИН Александр Данилович. 1949
Петербургские цветочки. 2005. Холст, масло. 80x101
ПАНОВА Ольга Владимировна. 1960
Озеро «Долгое». 2005. Б., цв. карандаши. 50x43
ПАНТЕЛЕЕВ Юрий Степанович. 1953
Город. 2005. Фотография. 40x60
ПАНЮКОВА Лада Ивановна. 1970
Петербургский пейзаж. 2005. Бумага, темпера. 80x60
ПАРШИКОВ Владимир Петрович. 1937
Без названия. 2005. Холст, масло. 100x80
ПЕН Ольга Варленовна. 1958
Фазаны и тыквы. 2005. Цв. ксилография. 46x75,7
ПЕН Сергей Варленович. 1952
Церковь в Озеряево. 2005. Холст, масло. 80x90
ПЕРМЯКОВА Мария Александровна. 1980
Во дворе. 2005. Бумага, пастель. 50x60
ПИЛЮГИНА Анастасия Ивановна. 1984
Лето в Боровичах. 2005. Бумага, пастель. 40x60
ПИСАРЕВА Галина Демьяновна. 1933
Осень. 2005. Холст, масло. 70x40
ПИСАРЕВА Наталья Александровна. 1960
Памяти Шагала. 2005. Квилт, вышивка. 40x60
ПОВАРОВ Александр Петрович. 1947
Чтение журнала. 2005. Холст, масло. 60x69
ПОВАРОВА Валентина Петровна. 1933
Крест. 2005. Холст, масло. 71x80
ПОДЛЯССКАЯ Галина Юрьевна. 1951
Подснежники. 2005. Холст, масло. 63x72
ПОДОБЕД Александр Рэмович. 1960
Yellow day. 2005. Холст, масло. 100x200
ПОЗИН Александр Владиславович. 1957
И еще... 2005. Дерево, смешанная техн. 250x230x80
ПОЗИНА Инна Александровна. 1979
Пейзаж из окна. 2005. Текстиль, дерево. 50x50x20
ПОТАПСКИЙ Стефан Степанович. 1952
В саду. 2005. Холст, масло. 60x50
ПРОШКИН Владимир Викторович. 1931
Михайловский замок. 2005. Холст, масло. 70x90
ПРУДНИК Александр Ильич. 1944
Осень. Дворик. Вечер. 2005. Холст, масло. 62x84
ПУД Афанасий. 1951
Пейзаж. 2005. Холст, принт. 90x70
РАДЕЛОВ Сергей Юрьевич. 1957
Город-терка. 2005. Фотография. 80x60
РАЕВСКИЙ Владимир Яковлевич. 1938
Путь к вершине. 2005. Картон, масло. 50x70
РАССАДИН Леонид Олегович. 1962
Натюрморт с яблоком. ДВП, масл. пастель, лак. 65x50
РЕЙХЕТ Петр Викторович. 1953
Два с половиной. 2005. Бумага, карандаш. 170x190
РОМАНОВ Вячеслав Евдокимович. 1952
В июне. 2005. Холст, масло. 50x60
РОМАНОВА Екатерина Вячеславовна. 1983
В лесу. 2005. Холст, масло. 40x50
РУДЖИЕВА Мария Викторовна. 1985
Ночью. 2005. Бумага, гуашь, темпера. 40x50
САВЕНКО Николай Иванович. 1957
Вид на Исаакиевский собор. 2005. Холст, масло. 60x70
САВЧЕНКО Александр Николаевич. 1966
Маша. 2005. Бумага, масло. 85,8x61,2
САЕНКО Дмитрий Русланович. 1965
Абстрактная композиция. 2005. Холст, масло. 50x40
САМОЦВЕТОВА Светлана Вячеславовна. 1967
Форт «Святой Константин». 2005. Б., пастель. 29x48
САНАГИНА Ольга Валерьевна. 1978
Прорастание. 2005. Ткачество. 220x185
САЯПИН Василий Михайлович. 1936
Аллегро. 2005. Холст, масло. 60x80
СЕМКИНА Тамара Ивановна. 1945
Зима. 2005. Холст, масло. 50x44
СЕРГЕЕВА Ирина Михайловна. 1951
Ирисы. 2005. Оргалит, масло. 62x62
СЕРГУШОВ Сергей Юрьевич. 1959
Игра пятен. 2005. Б., смешанная техника. 40x50
СЕРЕМОН Нина Алексеевна. 1963
Композиция. 2005. Бумага, темпера. 58x40
СИВЕРЦЕВ Сергей Иванович. 1934
Дары осени. 2005. Холст, масло. 63x69
СИВУХИНА Маргарита Александровна. 1981
Lareine. 2005. Горячий батик. 200x250
СИДОРОВ Александр Александрович. 1956
В интерьере храма. 2005. Фотография. 40x60
СИМКИН Сергей Николаевич. 1962
Душа-трамвай, три источника света. Х., м. 70x100
СИМОНЕНКО Лидия Юрьевна. 1977
Груши. 2005. Холст, масло. 33x39
СИМУНИ Александр Борисович. 1947
Отец. Война. 2005. Бумага, масл. пастель. 91x65
СИРЕНКО Виктор Владимирович. 1954
Цветы. 2005. Фанера, масло. 32,5x76,5
СЛАДКОВ Андрей Васильевич. 1944
Осеннее серебро. 2005. Фотография. 50x70
СМИРНОВ Геннадий Алексеевич. 1957
Яблони. 2005. Холст, масло. 60x40
СМИРНОВ Михаил Сергеевич. 1951
Джаз. 2005. Холст, масло. 80x100
СМИРНОВА Мария Налевна. 1982
Аллея. 2005. Холст, масло. 60x50
СМОРГОН Лев Наумович. 1929
Композиция – портрет. 2005. Гранит. Н 80
СОКОЛОВА Анастасия Андреевна. 1977
Солнечный сентябрь. 2005. Холст, масло. 65x75
СОКОЛОВА Татьяна Васильевна. 1958
Маки. 2005. Холст, масло. 70x65
СОКОЛОВА-ЗАЙЦЕВА Вера Константиновна. 1959
Отражение дома. 2005. Холст, масло. 55x80
СОЛОВЬЕВА Валентина Васильевна. 1946
Пейзаж с полями. 2005. Бумага, масл. пастель. 50x65
СОЛОМЯНКО Александр Семенович. 1949
Под одним небом. 2005. Фотография. 45x30
СОПИНА Юлия Викторовна. 1968
Продается. 2005. Холст, масло. 100x120
СПИВАК Марина Львовна. 1955
Дом без крыши. 2005. Гипс, дерево. 200x60x60
СТЕПАНОВА Вера Константиновна. 1944
Русские народные пословицы. 2005. Фарфор
СТОЛБОВ Александр Сергеевич. 1929
Натюрморт в саду. 2005. Холст, масло. 60x70
СТОЛЫПИН Андрей Владимирович. 1963
Птичий грипп или Твист в зеленых тонах. Х., см. техн. 150x150
СТРОГАНОВ Леонид Валерьевич. 1979
Античные фантазии I. 2005. Бумага, офорт. 40x40
СТРУТИНСКИЙ Михаил Васильевич. 1966
Утро. 2005. Бумага, акварель. 29x40
СУВОРОВА Кира Иннокентьевна. 1931
Пастушка. 2005. Дерево. Н 46,5
СУЗДАЛЬЦЕВ Варфоломей Владимирович. 1951
Дом на Васильевском. 2005. Холст, масло. 60x70
СЫСОЕВА Лидия Павловна. 1938
На озере. 2005. Холст, масло. 40x50
СЫЧЕВ Николай Викторович. 1948

- Биомир. 2005. Бумага, карандаш. 61x86
 СЫЧЕВ Юрий Иванович. 1948
 Плен. 2005. Холст, масло. 170x120
 ТАБУЛИНСКИЙ Валерий Дмитриевич. 1940
 Перцы. 2005. Холст, масло. 100x100
 ТАРАСЮК Иван Иванович. 1957
 Дон Кихот. 2005. Керамика. Н 83
 ТАТАРНИКОВ Петр Георгиевич. 1953
 Водопад. 2005. Холст, масло. 210x100
 ТЕПЛЫЙ Николай Иванович. 1948
 Осенняя композиция. 2005. Холст, масло. 70x60
 ТИХОМИРОВ Виктор Иванович. 1951
 Мир. 2005. Холст, масло. 200x300
 ТИХОНОВ Сергей Владимирович. 1983
 Пахарь Урана. 2005. Холст, масло. 60x80
 ТОНКУШИН Алексей Владимирович. 1957
 Солнечные зайчики. 2005. Холст, масло. 80x90
 ТОЧИЛИН Андрей Анатольевич. 1966
 Натюрморт с кофемолкой. 2005. Х., м. 50x65
 ТРАУГОТ Александр Георгиевич. 1931,
 ТРАУГОТ Валерий Георгиевич. 1936
 Нева. 2005. Бумага, тушь, пастель. 30x42
 ТРЕГУБЕНКО Мария Сергеевна. 1962
 Вчера. 2005. Гофрокартон, масло, акрил. 150x120
 ТРЕТЬЯКОВ Владимир Михайлович. 1952
 Эра забвения. 2005. Холст, масло. 69,5x35
 ТРИЗНА Александра Юрьевна. 1980
 Формы - III. 2005. Холст, масло. 70x70
 ТРОФИМОВА Мария Владимировна. 1957
 Берегиня. 2005. Мрамор. 38x16,5x7
 ТРОШКИНА Эллина Михайловна. 1981
 Киноманы-кофеманы. 2005. Холст, смеш. техн. 220x100
 ТРОЯНОВСКИЙ Вадим Иванович. 1937
 Сон. 2005. Мрамор. Н76
 ТРУЛЛЬ Ксения Владимировна. 1945
 Натюрморт с ракушкой в круглой вазе. 2005. Х., м. 89x87
 ТУРИНА Мария Александровна. 1975
 Беребра. 2005. Ткань, водные краски. 50x35
 ТЫЧКОВ Максим Алексеевич. 1964
 Закат. 2005. Холст, масло. 55x70
 УВАРОВ Андрей Геннадьевич. 1964
 Гейша на восходе солнца. 2005. Х., смеш. техн. 120x160
 УСОВ Андрей (Вилли). 1950
 Стены плача. 2005. Фотография. 30x40
 УСПЕНСКИЙ Антон Михайлович. 1968
 Из цикла «Примечательности». 2005. Фотография. 45x30
 УСТИНОВ Константин Юрьевич. 1983
 Самарканд. 2005. Фотография. 45x30
 УЯНАЕВ Аслангери Мажмудинович. 1962
 Композиция 0274. 2005. Холст, масло. 100x210
 ФЕДИНА-ПЕНКРАТ Евгения Владимировна. 1964
 Состояние 1. 2005. Бумага, шелкография. 20x30
 ФЕДОРОВА Татьяна Сергеевна. 1952
 Обнаженная. 2005. Холст, масло. 100x50
 ФИЛИППОВ Андрей Апресович. 1960
 Слушая Шестую симфонию Бетховена. 2005. Х., м. 80x100
 ФИЛОНЕНКО Елена Валерьевна. 1958
 Сумерки. 2005. Бумага, акварель. 58x41
 ФЛЕГОНТОВ Дмитрий Юрьевич. 1957
 Монастырская гостиница. 2005. Бумага, пастель. 60x40
 ФРЕЙДИС Елена Игоревна. 1968
 Вечер. 2005. Холст, масло. 78x59
 ФРОНТИНСКИЙ Олег Борисович. 1938
 Праздник на воде. 2005. Холст, масло. 75x100
 ХАРИНА Рушания Абдуллоевна. 1956
 Черепаха. 2005. Холст, масло. 50x60
 ХОХЛЕНКО Александр Михайлович. 1955
 Без названия. 2005. Фотография. 35x46
 ХОХЛОВ Сергей Александрович. 1962
 Осень. 2005. Холст, масло. 40x50
 ХРЕБТОВ Артем Игоревич. 1964
 У маяка. 2005. Холст, масло. 50x70
 ЦИМАРА Варвара Андреевна. 1985
 Город на воде. 2005. Б., смешан. техн. 40x50
 ЦЫБУЛЬНИК Виталий Александрович. 1942
 Приход весны. 2005. Дерево. Н 107
 ЦЭРУШ Михаил Георгиевич. 1948
 Скрипичный дуэт - 2. 2005. Холст, масло. 81x110
 ЧЕЖИН Андрей Сергеевич. 1960
 Николай II / Линия жизни. 2005. Фотография. 50x50
 ЧЕЖИНА Людмила Леонидовна. 1960
 Флоренция. 2005. Фотография. 30x45
 ЧЕРА Алексей Анатольевич. 1961
 Инженерный замок. 2005. Холст, масло. 73x92
 ЧЕРЕПОВСКИЙ Геннадий Семенович. 1941
 В параллельном мире. 2005. Холст, акрил. 115x110
 ЧЕРНЯЕВ Владимир Иванович. 1946
 Глубинка. 2005. Бумага, тушь, перо. 40x30
 ЧИСТЯКОВ Алексей Валентинович. 1962
 Без названия. 2005. Холст, масло. 93x187
 ЧИСТЯКОВА-ПЕТРОВА Людмила Васильевна. 1957
 Аз есмь дверь. 2005. Холст, масло. 70x90
 ЧОБИТЬКО Петр Петрович. 1946
 Первый снег. 2005. Бумага, пастель. 50x70
 ЧУБАРЯН Лариса Аркадьевна. 1963
 Петербургские мотивы. 2005. Батик. 50x50
 ШАПИРО Михаил Александрович. 1947
 Дворы Пушкинской улицы. 2005. Х., м. 60x45
 ШАПОВАЛОВ Борис Евгеньевич. 1952
 Композиция. 2005. Холст, масло. 100x200
 ШАПОВАЛОВА Ольга Владимировна. 1961
 Песня жаворонка. 2005. Холст, масло. 37x94
 ШАРАПКОВ Сергей Николаевич. 1972
 Осень. 2005. Холст, масло. 43x59
 ШАЮНОВА Ольга Васильевна. 1963
 Коврики. 2005. Бумага, акварель. 40x60
 ШЕВЧЕНКО Сергей Тарасович. 1960
 Южный вечер. 2005. Бумага, гуашь. 50x70
 ШЕПОВАЛЬНИКОВА Стелла Александровна. 1971
 Игра в «Кинга». 2005. Бумага, темпера. 29x41
 ШИРОКОЛОВОВ Владислав Иннокентьевич. 1937
 Степняки. 2005. Керамика. 35x40x35
 ШИШКОВ Анатолий Сергеевич. 1951
 Двойной портрет. 2005. Бумага, смеш. техн. 45x45
 ШРАММ Эдуард Владимирович. 1928
 Бабье лето. 2005. Холст, масло. 75x90
 ШТЕЙНМАН Анюта. 1970
 Девочки у зеркала. 2005. Холст, масло. 116x76
 ШТЫЛЬКИН Алик Александрович. 1953
 Ранняя зима. 2005. Холст, масло. 70x80
 ШУТОВА Ольга Александровна. 1977
 Качели. 2005. Холст, масло. 50x70
 ЩЕРБАК Алексей Владимирович. 1967
 Няня и Пушкин. 2005. Пластика. 18x25
 ЩЕРБАКОВ Сергей Прокофьевич. 1956
 Северная деревня. 2005. Картон, масло. 50x60
 ЩЕРБИНИНА Светлана Александровна. 1958
 Модель. 2005. Бумага, акрил. 80x60
 ЭВЕРЛИНГ Надежда Альфредовна. 1962
 Число удачи. 2005. Коллаж. 180x120
 ЭРСТЕД Наталья Михайловна. 1983
 Портрет бабушки. 2005. Б., линогравюра. 30x21
 ЮЗЬКО Василий Дмитриевич. 1938
 Подсолнухи. 2005. Холст, масло. 70x90
 ЮСИПОВА Гульнара Эхмедовна. 1985
 Пустыня. 2005. Бумага, пастель. А 2
 ЯРОШЕВИЧ Андрей Валентинович. 1969
 Шавленское озеро. 2005. Оргалит, масло. 66x90
 ЯРОШЕВИЧ Ирина Владимировна. 1943
 Портрет Юрия Гусева. 2005. Гипс. Н 57
 ЯХНИН Марат Матвеевич. 1939
 «Дворец» деда Кузьмы. 2005. Холст, масло. 75x50

В.В. СТЕРЛИГОВ
П.М. КОНДРАТЬЕВ
Г.Я. ДЛУГАЧ
О.А. СИДЛИН
Н.П. АКИМОВ
С.Д. ЛЕВИН
ТЮТ
Т.Г. ГНЕДИЧ
КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ
ГРИГОРИЙ КОВАЛЕВ
ДАВИД ДАР
ГЕРТА НЕМЕНОВА
ЮЛИЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ
АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО
“САЙГОН”
ПОЭТЫ МАЛОЙ САДОВОЙ
ЛЕОНИД АРОНЗОН
БОРИС ПОНИЗОВСКИЙ
ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ
АЛЕКСАНДР АРЕФЬЕВ
СЕРГЕЙ СИГИТОВ
МИХАИЛ ШЕМЯКИН
ЛЕВ КАЦЕНЕЛЬСОН
ИГОРЬ ЛОГИНОВ
ЕВГЕНИЙ РУХИН
БОРИС КОШЕЛОХОВ
ТИМУР НОВИКОВ
МИТЬКИ
БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ
СЕРГЕЙ КУРЕХИН
ФОТОГРАФЫ

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ ЛАРИСА СКОБКИНА

Герои ленинградской культуры... «Герои» - следует понимать, скорее, как «литературные герои», если принять, что история (или жизнь) - она и есть роман. В таком случае герои нашей книги относятся к кругу центральных - главных персонажей.. И опять - слишком громко звучит. Ну, хорошо. Просто: герои ленинградской культуры - это те люди, вокруг которых заваривалась культурная жизнь города, вовлекая - многих. Герои, личности - это не образ жизни (или жизнедеятельности), это - данность. Потому-то и отрекаемся от пафосного значения «героизма», вынесенного в название, что среди наших героев были люди тихие, замкнутые.

Эта книга - труд *неакадемический*. Она собиралась из фрагментов воспоминаний - знавших и помнящих. Память же, как известно, несовершенна. Воспоминания подчас расходятся или противоречат друг другу. Но это - в фактах. Главное же - ощущение, чувство - в них сохранилось.

Из намеченного списка «героев» не все портреты получились крупными. И это - оттого, что не удалось собрать достаточное количество свидетельств. Заслуживают же все - именно крупного плана. И надеюсь, что в будущем такие труды-исследования будут предприняты.

Герои этой книги - не обязательно “положительные”. Но все они - лидеры, с мощной энергетикой, которая и создавала ту атмосферу притяжения вокруг них, которая - в образовавшихся кругах - “вытягивала” талантливость, воспитывала. И эти круги - иногда пересекаясь, иногда - в стороне друг от друга - создавали богатую талантами, идеями творческую среду. Жить в которой - при всей противоречивости того времени - было по-настоящему интересно.

Освободившись от “оков социализма”, мы попали в оковы деловитости и коммерциализации. И как показывает опыт последнего десятилетия - попали прочно.

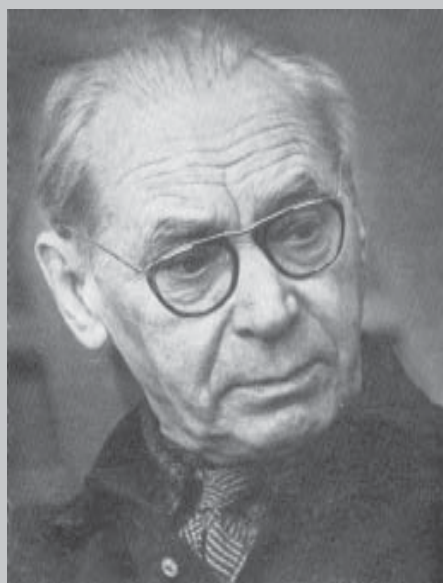
В небогатых и “поднадзорных” 50-х-80-х была роскошь образованности (включавшей и самообразование), чтения серьезных книг и стихов, интереса к музыке - от классики до рока, к художественным выставкам (от музейных - до квартирных). Досуг проводили - богато..

Собственно, и задача этой книги - не только сохранить память о достойных людях в нашей стремительно меняющейся истории, но и - помочь нам самим вспомнить, ощутить (и дай Бог - обрести вновь) те жизненные ориентиры, которые многие и многие десятилетия считались в нашем городе - нормой. (Л.С.)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ "ГЕРОИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ. 1950-е - 1980-е"

Н.П. АКИМОВ

П.М. КОНДРАТЬЕВ

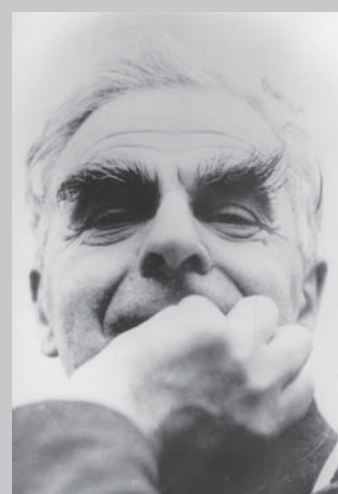
В.В. СТЕРЛИГОВ

Г.Я. ДЛУГАЧ

Т.Г. ГНЕДИЧ

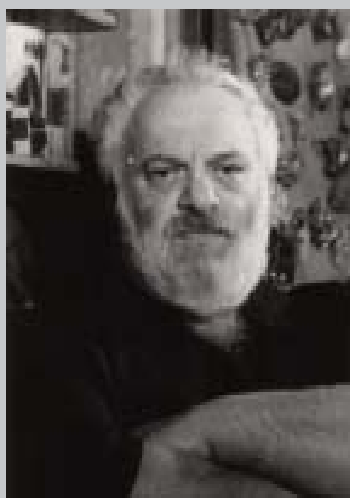

С.Д. ЛЕВИН

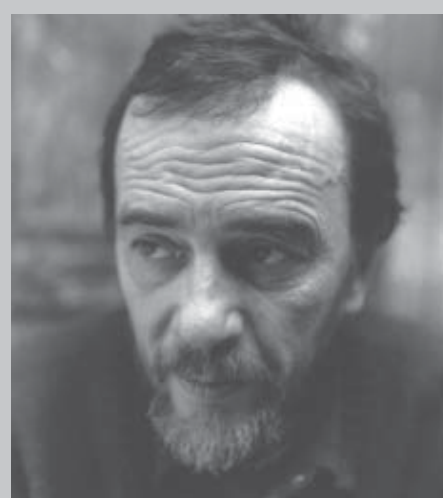
А. АРЕФЬЕВ

Б. ПОНИЗОВСКИЙ

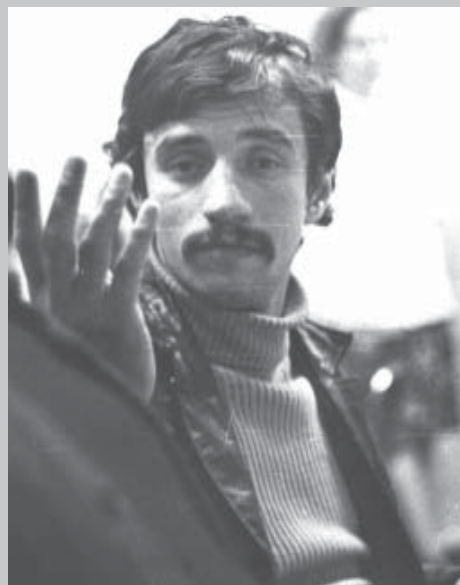
А. ХВОСТЕНКО

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ "ГЕРОИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ. 1950-е - 1980-е"

К. КУЗЬМИНСКИЙ

В. ШИРАЛИ

Б. КОШЕЛОХОВ

Ю. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

М. ШЕМЯКИН

Т.НОВИКОВ, С.КУРЕХИН,С.БУГАЕВ (АФРИКА)

Б.ГРЕБЕНЩИКОВ, С. КУРЕХИН

“РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ”. ЖАНРОВАЯ ФОТОГРАФИЯ

- 1 - АЛЕКСАНДР НИКИПОРЕЦ
- 2 - ЕЛЕНА АГАФОНОВА
- 3 - ВЛАДИМИР АНТОЩЕНКОВ
- 4 - АННА МАЙСЮК
- 5 - ДАВИД ДЕКТОР (ИЕРУСАЛИМ)
- 6 - ФЕДОР БАРАНОВ (МОСКВА)
- 7 - АЛЕКСЕЙ ГАПОНОВ
- 8 - ГЕННАДИЙ МИНЧЕНКО (КИЕВ)
- 9 - ЮЛИЯ КОМИССАРОФФ (ИЕРУСАЛИМ)
- 10 - КОНСТАНТИН СОЛОМАТИН (МОСКВА)
- 11 - АЛЕКСЕЙ КОРОТАЕВ
- 12 - АЛЕКСАНДР СОРИН (МОСКВА)
- 13 - ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ (МОСКВА)
- 14 - АННА БОЧАРОВА
- 15 - ОЛЕГ ВИДЕНИН (БРЯНСК)
- 16 - САША ДЕМЕНКОВА
- 17 - АЛЕКСЕЙ ТИХОНОВ
- 18 - АНДРЕЙ ПОЛУШКИН
- 19 - ЕВГЕНИЙ ГУЧКИН
- 20 - ЯРОСЛАВ СКАЧКОВ
- 21 - АЛЕКСАНДР БЛОТНИЦКИЙ
- 22 - АЛЕКСАНДР КОНДРАТЮК
- 23 - ХЕЙДАР АСЛАНОВ
- 24 - ОЛЕГ КЛИМОВ
- 25 - ТИМУР КОКШАРОВ
- 26 - РАШИД САЛИХОВ
- 27 - ФАХРИЯ МАМЕДОВА
- 28 - ЮРИЙ ЕВЛАМПИЕВ
- 29 - ИГОРЬ ТАБАКОВ
- 30 - ЮЛИЯ ЛИСНЯК
- 31 - ТАТЬЯНА ЗУБКОВА (КРАСНОДАР)
- 32 - АЛЕКСАНДР ОРЛОВ
- 33 - ВАЛЕРИЙ НИСТРАТОВ (МОСКВА)
- 34 - ВИКТОР СУВОРОВ
- 35 - ДАНИЛ ХУСАИНОВ
- 36 - ИГОРЬ КУЛТЫШКИН (МОСКВА)
- 37 - АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ (КРАСНОЯРСК)
- 38 - СЕРГЕЙ НОЗДРИН
- 39 - ДМИТРИЙ НОРОВ
- 40 - ВИКЕНТИЙ НИЛИН
- 41 - ИГОРЬ СТАРКОВ
- 42 - АННА ФЕДОТОВА
- 43 - АЛЕКСАНДР СМИРНОВ
- 44 - ВИКТОР ГИНЗБУРГ (БОСТОН)
- 45 - ГЕННАДИЙ ГОЛОВИН
- 46 - ТАМАРА ВИШНЯКОВА
- 47 - СТАНИСЛАВ ЧАБУТКИН
- 48 - ПАВЕЛ МАРКИН
- 49 - ВЛАДИМИР ВЕЛЕНГУРИН
- 50 - МИХАИЛ МАЛЫШЕВ
- 51 - ЧИНГИЗ
- 52 - СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ
- 53 - ВАДИМ САВРАЕВ (МОСКВА)
- 54 - ЕВГЕНИЙ ЛУЧИНСКИЙ
- 55 - АЛЕКСАНДР ДУВАНОВ
- 56 - АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ
- 57 - АСЯ НЕМЧЕНОК
- 58 - МАКСИМ ШИПЕНКОВ (КЕМЕРОВО)
- 59 - ЕВГЕНИЙ САФЬЯН (МОСКВА)
- 60 - АЛЕКСАНДР КИТАЕВ
- 61 - ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ
- 62 - ДМИТРИЙ КОНРАДТ
- 63 - СЕРГЕЙ ШИТОВ
- 64 - НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВА
- 65 - ЛЮДМИЛА ГРИГОРЬЕВА
- 66 - АЛЕКСЕЙ ЗЕЛЕНСКИЙ
- 67 - ИГОРЬ ЛЕБЕДЕВ
- 68 - АНАТОЛИЙ ШИШКОВ
- 69 - ОЛЕГ ПЧЕЛОВ (РОСТОВ-НА-ДОНУ)
- 70 - СЕВИНДЖ ПИРИЗАДЕХ-АСЛАНОВА
- 71 - ДМИТРИЙ ЯРЦЕВ (МОСКВА)
- 72 - АЛЕКСЕЙ САВКИН (ЕКАТЕРИНБУРГ)
- 73 - САША МАШИН (МОСКВА)
- 74 - ЛЕОНИД НАТАПОВ (ТЕЛЬ АВИВ)
- 75 - СОЛМАЗ ГУСЕЙНОВА
- 76 - НАТАЛЬЯ ЦЕХОМСКАЯ

ЦВЗ «Манеж»
Ежегодная выставка «Петербург-2005»
Фонд «Петербургские фотомастерские»
При информационной поддержке
Интернет-журнала Photographer.ru
представляют
РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ
Жанровая фотография

Кураторы представят современный взгляд на жанр в фотографии, явление чрезвычайно сложное и неоднозначное. В выставке принимают участие около 100 фотографов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Красноярска, Екатеринбурга, Краснодара, Киева, Тель-Авива, Бостона и многих других городов России, СНГ и зарубежья. Каждый из участников представит одну работу, наиболее полно, на его взгляд, отражающую понимание жанровой фотографии. Благодаря подобному замыслу экспозиция складывается как определенная совокупность точек зрения на то, что есть жанр.

С момента своего изобретения фотография восприняла от живописи такие структуры как композиция, некоторые иконографические схемы и систему жанров. Позднее, выработав свой собственный язык изображения, фотография безжалостно переработала многое из живописного наследия. Неизменным осталось разделение по жанрам и критерии их определения. Если с портретом и пейзажем все кажется более или менее понятным, то с жанром как изображением, а не категорией, всегда возникают определенные сложности. Трактовка, предлагающая понимать под жанром произведения, изображающие сцены и образы из повседневной жизни, кажется наиболее подходящей как для живописи, так и для фотографии. Однако ограничиться только определением сюжетной сферы, значит, упустить самое главное, что делает собственно фотографию фотографией. Простое изображение обыденной жизни никак не укладывается в специфику данного искусства. Поэтому более органично и оправданно в случае с фотографией может выглядеть такое определение жанра как реакция на конкретную жизнь. Использовал фотограф постановочную или репортажную съемку для создания своего произведения - вторично по сравнению с поиском своего собственного «решающего мгновения».

Название зимней выставки в Манеже - не случайный парфраз на придуманное Анри Картье-Брессоном понятие «решающий момент». Несмотря на отсутствие общепринятых критериев (как словесных, так и визуальных) определения жанра в фотографии, организаторы выставки стараются придерживаться линии Картье - Брессона, для которого «понимание важности события сочеталось с точной организацией форм».

В рамках выставки состоится круглый стол, за которым кураторы, фотографы, искусствоведы, художественные критики и бильд-редакторы попытаются уже на уровне дискуссии поразмышлять на тему фотографического жанра и дать ему современное определение.

Участники выставки:

Елена Агафонова, Виалетта Альховка, Владимир Антощенко, Александр Астафьев, Олег Виденин, Алексей Гапонов, Виктор Гинзбург, Геннадий Головин, Александр Гронский, Солмаз Гусейнова, Евгений Гучкин, Давид Дектор, Саша Деменкова, Юрий Евлампиев, Сергей Каптивкин, Александр Китаев, Олег Климов, Тимур Кокшаров, Юлия Комиссаровф, Алексей Коротаев, Александр Кузнецов, Игорь Лебедев, Юлия Лисняк, Дмитрий Ловецкий, Евгений Лучинский, Анна Майсюк, Сергей Максимишин, Анатолий Мальцев, Фахрия Мамедова, Павел Маркин, Геннадий Минченко, Борис Михалевкин, Евгений Мохорев, Александр Никипорец, Валерий Нистратов, Сергей Ноздрин, Елена Пальм, Александр Петросян, Ольга Рябцова, Вадим Савраев, Евгений Сафьян, Александр Смирнов, Игорь Старков, Виктор Суворов, Алексей Тихонов, Анна Федотова, Наталья Цехомская, Станислав Чабуткин, Анатолий Шишков, Сергей Шитов и многие другие.

Кураторы выставки: Ольга Корсунова, Евгений Мохорев, Лариса Гринберг, Солмаз Гусейнова

ВЫСТАВКА ПОДГОТОВЛЕНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
КОМПАНИИ КОДАК

Фотографии напечатаны на бумаге Kodak Professional Endura Metallic Paper
в профессиональном фото центре FOTOLAB (<http://www.fotolab.ru/>)

Информационные партнеры

Photographer.ru / Fotonovosti.ru / Cityscan.ru / Lenizdat.ru / ФотоГид/Foto.ru / Art-GID.ru / PhotoXpert.ru / Stengazeta.net
Журналы: Foto&Video / Потребитель / Фотомагазин /

Фонд «Петербургские фотомастерские»

Школа фотографии «Петербургские фотомастерские». Санкт-Петербург, ул. Панфилова, 23, ауд. 8

тел. (812) 913-0498, 915-6916

info@fotomasterskie.ru

www.fotomasterskie.ru

“РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ”. ЖАНРОВАЯ ФОТОГРАФИЯ

КОНСТАНТИН СОЛОМАТИН

ВИКТОР ГИНЗБУРГ

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

ОЛЕГ ВИДЕНИН

ДАВИД ДЕКТОР

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ

“РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ”. ЖАНРОВАЯ ФОТОГРАФИЯ

САША МАШИН

СТАНИСЛАВ ЧАБУТКИН

ВЛАДИМИР АНТОЩЕНКОВ

АЛЕКСАНДР БЛОТНИЦКИЙ

ТАМАРА ВИШНЯКОВА

ИГОРЬ ТАБАКОВ

САША
ДЕМЕНКОВА

АСЯ НЕМЧЕНОК

ВЫСТАВКА “ТВОРЧЕСТВО МУЗЫКАНТОВ И АРТИСТОВ”

“АКВАРИУМ”
БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

“ПИЛОТ”
ИЛЬЯ ЧЁРТ

“ЛЕНИНГРАД”
СЕРГЕЙ ШНУРОВ

“ДДТ, КУРЫЛЕВ БЭНД”
ВАДИМ КУРЫЛЁВ

“НОМ”
АНДРЕЙ КАГАДЕЕВ,
НИКОЛАЙ КОПЕЙКИН

“СПЛИН”
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

“БАШАКОВ БЭНД”
МИХАИЛ БАШАКОВ

“СУРГАНОВА И ОРКЕСТР”
СВЕЛАНА СУРГАНОВА

“ПИКНИК”
ЭДМУНД ШКЛЯРСКИЙ

“КОРОЛЬ И ШУТ”
АНДРЕЙ КНЯЗЕВ

ВАЛЕРИЙ МОРОЗОВ

СЕРГЕЙ БАРЫШЕВ

СЕРГЕЙ ДРЕЙДЕН

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ВЫСТАВКА "ТВОРЧЕСТВО МУЗЫКАНТОВ И АРТИСТОВ"

ВАДИМ КУРЫЛЕВ

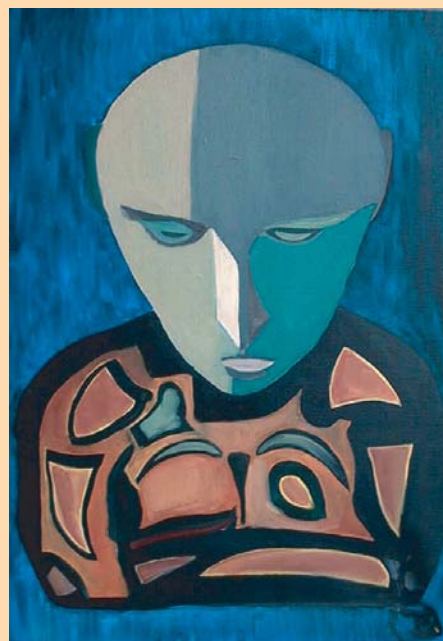

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

ЭДМУНД ШКЛЯРСКИЙ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

ВЫСТАВКА "ТВОРЧЕСТВО МУЗЫКАНТОВ И АРТИСТОВ"

СЕРГЕЙ ШНУРОВ

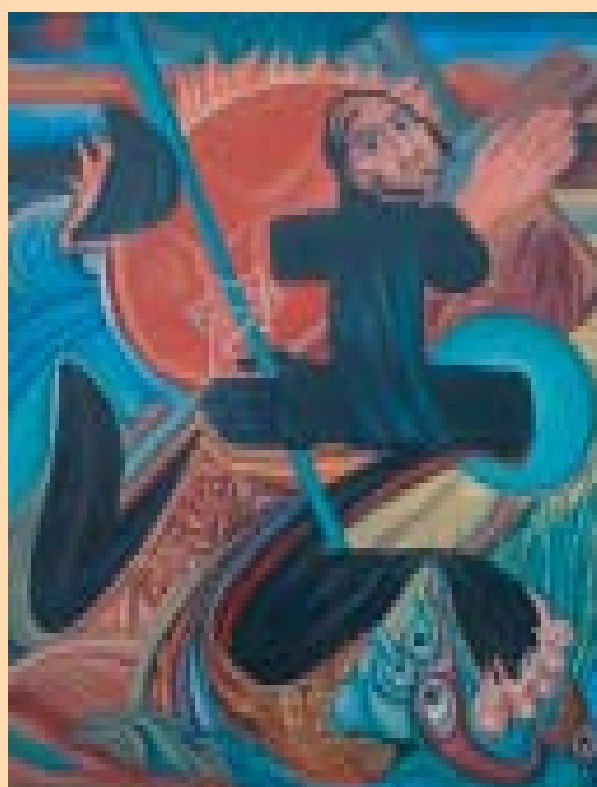

ИЛЬЯ ЧЁРТ

АНДРЕЙ КАГАДЕЕВ

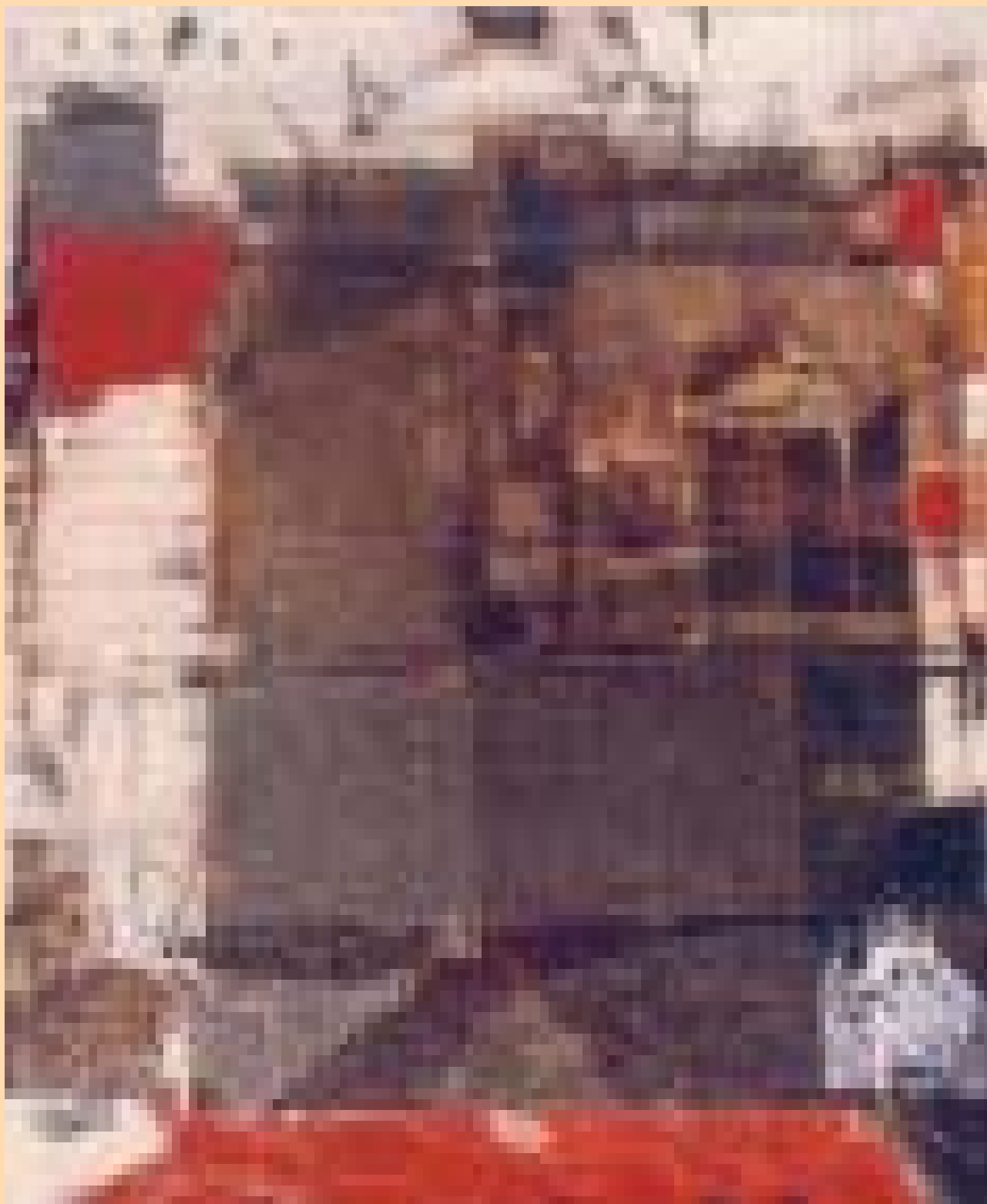
МИХАИЛ БАШАКОВ

ЮБИЛЯРЫ

Н.Карлыханов. Единоборство. Известняк

В.Духовлинов.Ковчег. Холст, масло

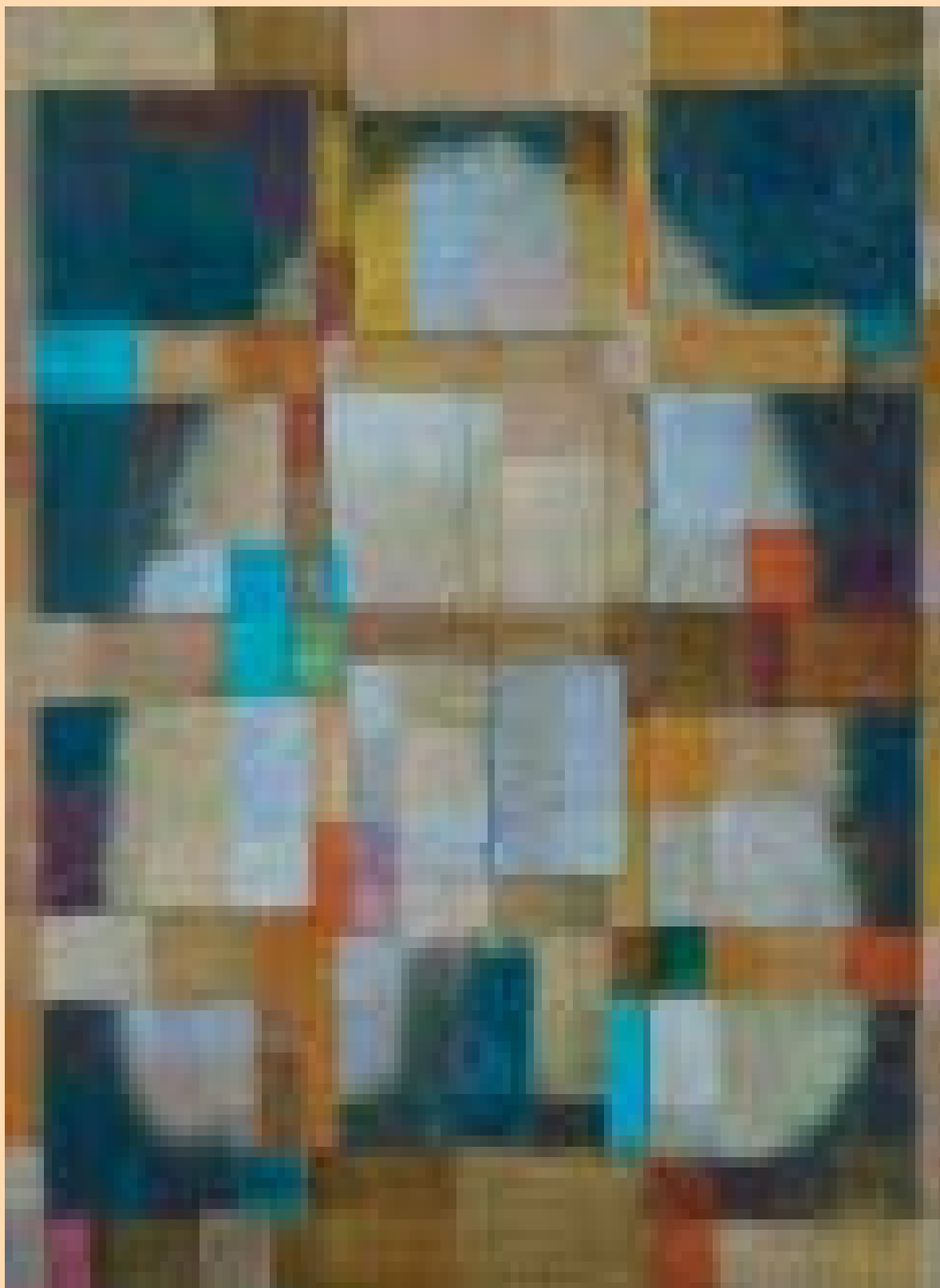
А.Чежин. Автопортрет. Фото, сепия

В.Воинов. Он и она. Коллаж

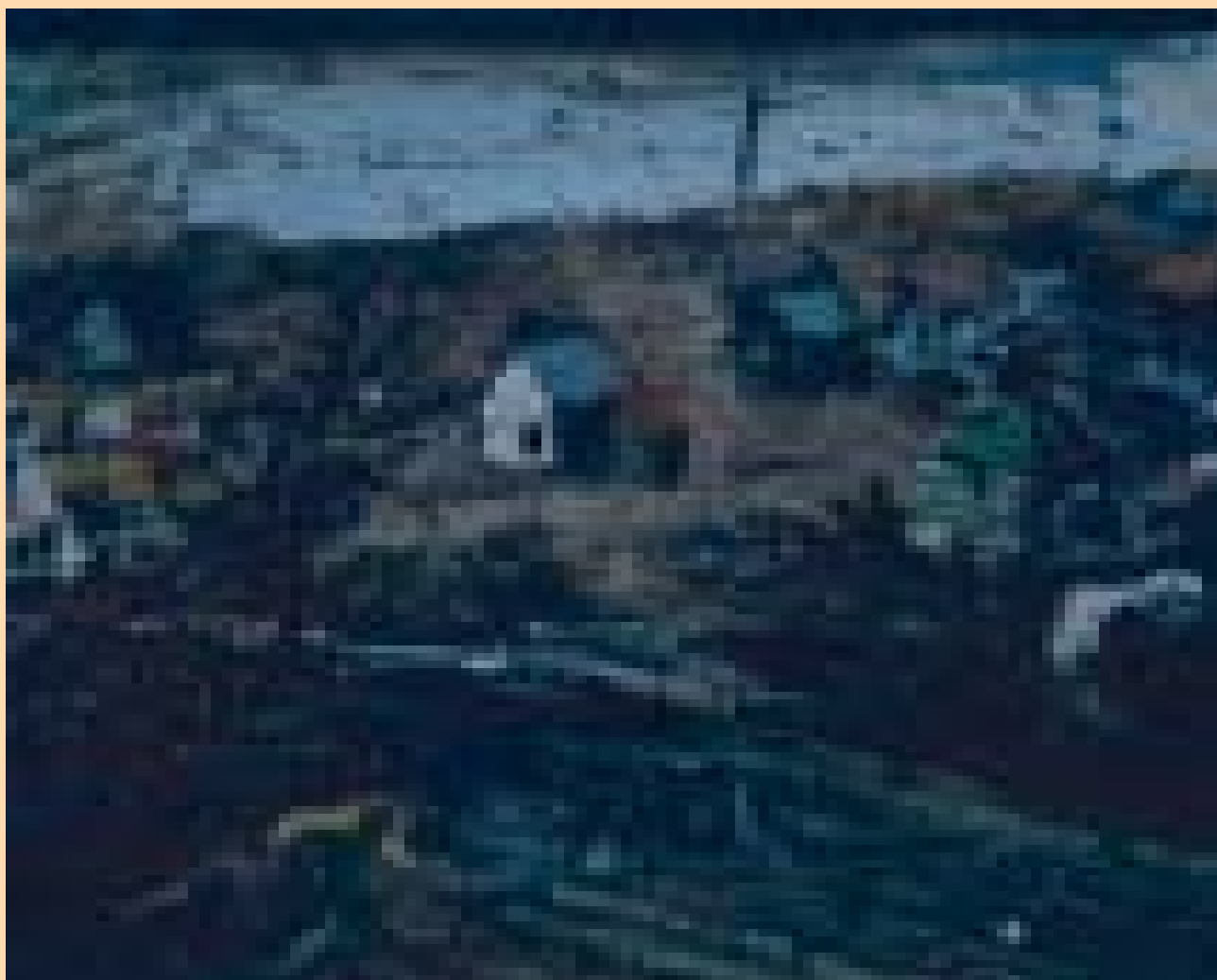
В.Видерман. Композиция. Холст, масло

В.Мишин. И пожелтеет белая бумага. Холст, масло

А.Заславский. Новочеркасская улица. Холст, масло

В.Громов. Пейзаж. Холст, масло

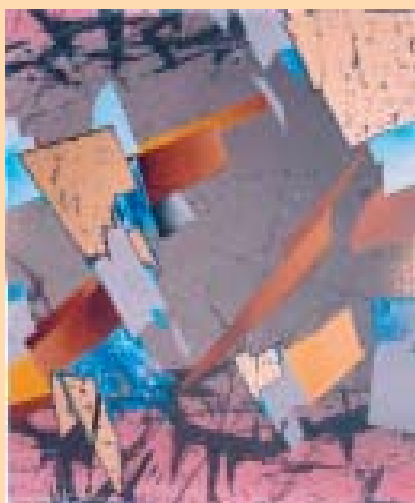

А.Джигирей. У моря. Холст, масло

Л.Панюкова. Петропавловка. Холст, масло

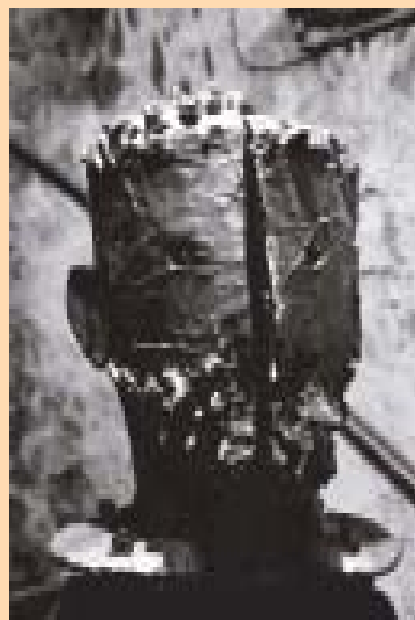
ЮБИЛЯРЫ

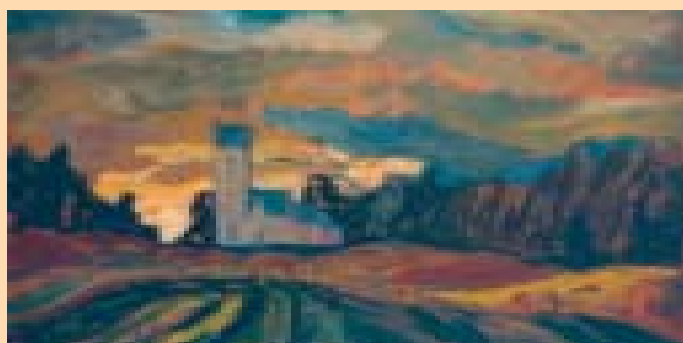
В.Андреев. Композиция
Холст, акрил

П.Конников. What time is it. Холст, масло

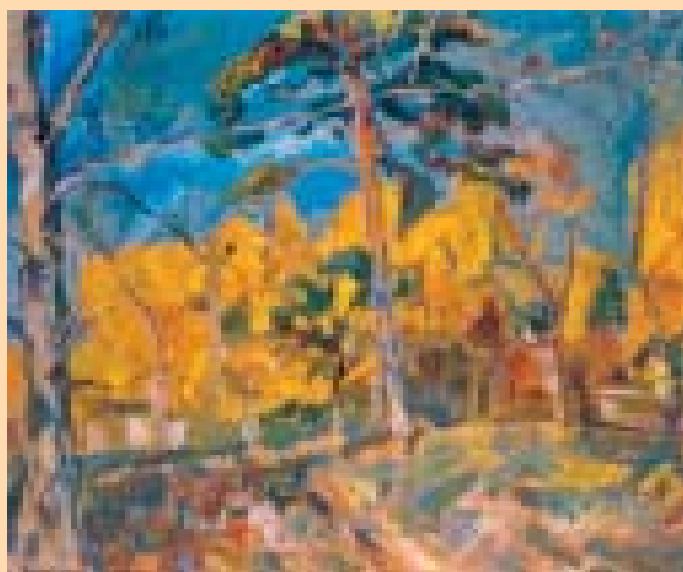
М.Сливак. Из серии "Империя"
Бронза, дерево

М. Оленева-Дегтярева. Закат. Холст, масло

Г.Губанов. Осень. Холст, масло

Г.Вайнман-Стожарова.
Натюрморт. Холст, масло

Ж.Ковенчук.Осень в Старой Ладоге. Холст, масло

Ю.Медведев. Трави помалу. Холст, масло

Т.Лебедева. Евангелисты. Холст, масло

Н.Васильев. Такая песня. Оргалит, темпера

Анюта. Три грации. Холст, масло

ВАЛЕРИЙ САВЧУК ГРАНИЦА СВОБОДЫ КРИТИКА

Художник свободен. Потому, что, во-первых, - свобода имманентна художественному творчеству, а художник в общественном сознании есть ее легитимная инстанция. Несвободный художник - нонсенс. Свобода - его онтологическое условие существования. Второе, у каждого искусства есть исторические границы, за которым оно не опознается как искусство. Вопрос *еще не* или *уже не* - из сферы инвалидных. Второй есть столь же пустой в своей очевидности тезис, как и первый. Речь о *скорости определения*, точнее, переопределения критериев искусства и инстанции, их порождающей.

Символический порядок задает границу реализации творчества. Так, прекрасная, вне кавычек и оговорок, эпоха классического искусства пребывает внутри сферы, с онтологической завершенностью которой могут соперничать разве что рубежи мифологического Океаноса, удерживающего мир в целостности. Время каждый раз собирает новую конфигурацию понятия свободы искусства. Выходя за границы однозначности, которую искусство обретает в рамках определенного стиля, оно всегда свидетельствует об изменении общества. Признание художника всегда требует идеологически и политически осознанного решения, чего не может сделать *незаинтересованная* рефлексия. А когда мы перестаем пользоваться прежним идеологическим набором описаний, то сразу же теряем определенность высказывания и четкость оценки.

И все же признаем, как бы ни скомпрометировал себя модернистский термин "граница", однако отбросить его мы не можем. Касаемся ли мы вопросов насилия в отношении другого или аутодеструкции на грани жизни и смерти акционистов, усилий по созданию новых форм жизни, машин творчества, способа репрезентации. Чем определеннее граница, чем серьезнее наказание за ее пересечение, тем острее авангардное чувство новизны, ярче впечатления и интенсивнее переживания нарушителя.

Сама по себе граница в постмодернизме просто аннигилируется - как и все фундирующие модерн оппозиции, предоставляя поле действия для номадов. Здесь я не могу удержаться от искушения процитировать Ницше, который в свою очередь цитирует Стендаля, завидуя, что эта мысль пришла не ему: «Единственное, что оправдывает бога - это его несуществование». Эта фраза так задела Ницше, что он к ней возвращался неоднократно и продумывал вновь и вновь. Равное и о границе: единственное, что оправдывает ее - это ее несуществование. В статье Э. Юнгера «Через линию» в юбилейный сборник Хайдеггера речь идет о границе. «Область законченного нигилизма образует границу между двумя возрастами мира. Линия, обозначающая эту область, является критической линией. На ней решается, замрет ли движение нигилизма в ничтожном ничто или же оно будет переходом в сферу некоего «нового поворота бытия» (Э. Юнгер). «Поэтому само по себе движение нигилизма должно быть склонно к различным возможностям и в соответствии со своей сущностью быть многозначным», - пишет в ответном письме Хайдеггер.

Но граница не только определяется телесно, но и ощущается телом извне и изнутри. Модернистское тело - это тело, четко осознающее свою границу, это фигура воина, фигура рабочего с жестко очерченными профилями. Его - модернизма - тело изнутри настолько мобилизовано, что не ощущает боль. Здесь я вновь процитирую Юнгера, полагающего, что модерн - это проект, который вымещает боль в экстатических состояниях: «Огромные волевые и трудовые усилия, которые проявляет активный нигилист, его пренебрежение к боли и к сочувствию, его закатка контрастными температурами, а также его уважение к телу и его витальным силам, которых чаще всего нигилисту не занимать, позволяют считать, что он наделен хорошим здоровьем»¹. Современная ситуация конституирует тело без боли на иных основаниях. Это человек, наделенный крепким здоровьем и пренебрегающий болью, производит себя как противовес общей subtilitas эпохи, которая требует своей противоположности. Сутратой границы, с утратой определенности, утрачивается и сам феномен боли. В постмодернистской ситуации человек может родиться, жить и умереть, не ощущая боль, и вся эта химико-фармакологическая формула сборки субъекта рождает совершенно иную реальность, когда человек свое витальное тело пытается обнаружить в ауто-деструктивных перформансах и тем самым - диагностировать и реализовать потребность в самоуверенности через реальное ощущение боли, проявление крови и т. д. Он, как скандально знаменитый проф. Гюнтер фон Хагенс, немецкий патологоанатом и одновременно - художник, в своем проекте «Миры тела», делает свои художественные объекты из особым образом законсервированных - пластированных - трупов. Консервация для специалистов не новость, но труп в искусстве - оригинальный жест. Он же является точным и одновременно гротескно-уродливым дублером социума. Так как, с одной стороны, мы видим объекты - произведения искусства - определенным образом расчлененные и законсервированные анатомические тела, с другой - абсолютно расфокусированное символическое тело культуры, лишенной внутренней витальности, напряженности, реальных ощущений, в том числе и ощущений боли.

Повсеместная бесчувственность на противоположном полюсе стимулирует попытку обрести четкую границу живого чувствующего тела, которая, в конечном счете, определяется через ауто-деструктивные действия. И опять же - не только модернистские, но и постмодернистские акции в том числе - возвращают нам в ситуации искусства тела то, что можно назвать осуществлением архаической стратегии или возвращения к архаике современным искусством. Многими исследователями фиксируется эта ситуация как единственная реальная живая форма ритуала в современном обществе. Всевозможные ауто-деструктивные действия, свя-занные с преодолением боли - это, полагают исследователи, художественная форма инициации. Она есть попытка вернуть чувство границы, по крайней мере, границы собственного тела, на фоне утраты государственной, информационной, семиотической и пр. границ, которые в силу, простите за банальность, глобализации - стираются. Понятие реальной границы утрачивает референт. И мы оказываемся в пространстве тотальной подмены и взаимообращения верха и низа, мужского и женского, атомарного и сингулярного, естественного и искусственного. Граница перехода незаметна. Как

¹ Juenger E. Martin Heidegger zum 60. Geburtstag. bber die Linie//Saemtliche Werke. Bd.7. Stuttgart, s.254.

незаметна линия стыка в цифровом образе.

В поле культуры сталкиваются две свободы воли, одна - художника, и *противная* ей, аналитика искусства. Это в-третьих. Вопрос о критериях актуального искусства возникает тогда, когда авангардное искусство выходит из повиновения, когда оно раздражает своей неподконтрольностью. В этом едины и харизматические кураторы, и критики, и политики. Так, несостоявшийся художник, решительно ушедший в политику, вынужден был задаться вопросом о критериях оценки современного ему искусства: "Все совершенно непонятное и просто сумасшедшее в произведениях художника рекламировали перед изумленным человечеством как продукт "внутренних переживаний". Таким дешевым способом господ эти избавляли себя от всякой критики. Боясь, чтобы ее не обвинили в непонимании "новейшего" искусства, интеллигенция молча примирялась с самыми гнусными насмешками над искусством, и, в конце концов, она и в самом деле потеряла всякий правильный критерий художественных оценок" (А. Гитлер) - и предложить свои «правильные» критерии.

Сегодня же задать вопрос критике или искусствоведа о критериях его оценки - все равно что сказать что-то неприличное в приличном обществе. И дело не столько в том, что критик не хочет открывать свои интеллектуальные предпочтения, а в том, что он нерелексивен. И это не его вина и не его беда, это другая *дисциплина*, которая требует метакритической позиции и способности к само-артикуляции.

Еще более удручающая ситуация возникает в момент встречи с актуальным искусством человека, который не ведал о его существовании: он оказывается перед необходимостью делать выбор, при этом его выбор в любом случае не имеет никакого *разумного* основания. Да и в чем может состоять критерий разумности или неразумности? Ясно одно, подобный выбор не опирается на доводы "здорового смысла", который, будучи взят за руководство, упразднил бы большинство классических произведений искусства XX века. Как выйти из затруднения, если оценка диктуется не законами логики и даже не законами эстетики, но *режимом актуальности*: провокацией к размышлению, концептуальным шоком, живым импульсом. Критерии оценки имеют внеклассическое и внелогическое основание. Иначе как понять противоречие: то, что в искусстве вызывает живой интерес, в "жизни" вызывает лишь раздражение и неприязнь?

Не могут выступить критерием подлинности и внутренняя серьезность и упорство художника в реализации своего проекта. Критерий *подлинности* произведения критик видит не в практике его создания, а в ясности и отчетливости *представления*. Все происходит здесь и сейчас, и критерий ценности невозможно взять ни в прошлом, ни в будущем. Мы не имеем никакого нейтрального объективного критерия, той архимедовой точки, опираясь на которую можно было бы выносить независимый приговор произведению искусства.

Критерием становится событийность. Акт творения и творчество не оцениваются. На сцену выходит резонанс события, представляющего собой сингулярное совпадение художника, критика, зрителя. Классическое представление об истине как адекватности приобретает новую форму: нет иного критерия, кроме *события* (его профанация - культ шоу), то есть точности места, времени, формы исполнения жеста, и последним звеном выступает концептуальное высказывание критика (куратора). Таким образом, мы получаем замкнутую на себя (автореферентную) систему, в которой критерии оценки уже включены необходимым образом (являются имманентными произведению) в работу как художника, так и критика. Современный критик не может быть вне, он, как вирус, само-инсталлирует себя в программу создания и функционирования художественного образа. Другая программа его - вовлечь в произведение зрителя, подключить его ресурс чувства актуального. В модусе автореферентности современнику возвращается ритуальная серьезность (которая является чуть ли не единственным фрагментом подлинности в масс-медийном мире), то есть то до-историческое состояние общества, в котором искусство, праздник и повседневная жизнь не абстрагированы, не обобщены, а тотально заполняют время и место.

Не только художник, но и критик всегда обнаруживает себя не там, где его ждут. Художник всегда ускользает в зону, где его не опознать, где еще нет *меры* новому, где поэтому бессильны самые выверенные определения прежней эпохи. Но и сама эпоха, свернувшаяся до десятилетия, рассредоточивается в головокружительной переоценке ценностей *настоящего*. Институт признания художника всегда отстает от актуальной художественной практики. Художник занимает то место, в которое социум инвестирует ожидание эксперимента, реактивного жеста и эмоционального взрыва. Он — иное повседневности, человек, визуализирующий желания и их интенсивность, полнокровность проживания творческих "периодов", или, в терминах современного дискурса, отрезков жизни. Актуальный художник проговаривается в подавляющем, но еще не легитимном желании, реализуя потребность в провокации, в бунте, в вызове, в творчестве. Боль, насилие, эротизм — не последние темы в ряду запретных. Насколько идеологически и политически корректен дискурс о насилии, негативно окрашивающий все поле его артефактов, настолько же свободен выбор техник репрезентации своего мироощущения в искусстве, которые включают аутодеструктивные действия и агрессивные жесты.

Актуальное искусство, к радости одних и с проклятьями других несет бремя концептуальности. И если прежде проведение и интерпретация были внеположены друг по отношению друга, то есть акт интерпретации был событием в *истории произведения*, то сегодня он — часто единственный признак жизни произведения. Именно в ситуации, когда фиксированная субстанция искусства распалась, а институционализация художника находится под непрерывным сомнением, когда утрата "известного заранее смысла" обезценивает находящиеся вне произведения прежние критерии и понятия — форма, стиль, объект искусства, авторство и т.д., — тогда в полный голос заявляет о себе куратор. Он как *прогрессирующий* аллергик — зависим от цветущего мира; он — не вне событий. Его *на время* спасает изоляция от бремени устанавливать критерии подлинного искусства, но со временем он вновь принуждается обстоятельствами — и среды, и рынка — определять свежие раздражители, сырьем непереносимости возвращая их обществу. Он — чуткий специалист по новым формам реагирования и бесперебойная машина, преобразующая маргинальность в индустрию развлечений и стиль рекламы.

МИХАИЛ КУЗЬМИН, Новый мир искусства (НоМИ)
 ИЗ ЦИКЛА «ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА или КАКАЯ СЕЙЧАС ПОГОДА ДУХА?»

16 марта 2005 года

Скульптор Михаил Ершов разрешает зрителям трогать свои творения. Разрешает прикасаться к ним руками. В этом нехудожественном акте есть мощный архаический смысл. Когда-то давным-давно наши предки-язычники, поклонявшиеся многочисленным богам и божкам, падали на колени перед каменными изваяниями, а также ползали вокруг них, прикасаясь руками к святыням. То есть наши предки шли на прямой контакт с божеством! Так как этот ритуал очень древний, то его трудно реконструировать в современных условиях. И к тому же строгие музейные правила запрещают зрителям прикасаться и к благородной бронзе, и к строгому граниту. Про хрупкий гипс мы уже и не говорим.

Но на вернисаже в корпусе Бенуа в присутствии самого художника были сделаны кое-какие послабления. Некоторым зрителям (и мне в том числе) было разрешено общение с гранитом в тактильном режиме. Дело в том, что когда скульптуру ощупываешь глазами, то ничего особенного не происходит. Током не дергает, молния не сверкает. А когда ту же самую фигуру изучаешь руками, то процесс восприятия искусства становится глобальным. Включается тактильная память, и мессидж художника прочитывается на глубинном уровне. Как весть из далекого прошлого.

После такой преамбулы кто-то тоже захочет прикоснуться руками к богиням Михаила Ершова. Боюсь, что строгие смотрительницы этого не допустят. Поэтому читателям остается поверить мне на слово. Из тех тридцати скульптур, которые представлены на юбилейной выставке в корпусе Бенуа (..Михаилу Ершову исполнилось 60 лет), наибольший интерес представляют именно те изваяния, которые кажутся давно сделанными. У меня сложилось впечатление, что некоторые богини были найдены художником в результате археологических раскопок. Обнаружены в толще земли. В лаве уснувшего вулкана.. - Найденные объекты. И художник только слегка их подправил. Довел до идеальных выставочных образцов..

3 июня 2005 года

Реалистическая живопись считается безнадежно устаревшей, но время от времени в проекты актуального искусства кураторы включают и ее. Как бы в виде знака качества или некоего сертификата. Как свидетельство того, что художник не только «лыком концептуализма шит», но и кое-что умеет делать ручками. Крайне редко серия чисто живописных работ претендует на полновесный актуальный проект. На резонанс в широких массах, на мощные круги по воде бытия. И, тем не менее, питерская художница Нина Флоровская сумела из добротной портретной серии сделать весомый социально-психологический проект.

..Для своей персональной выставки «Дети кукурузы», которая заняла четыре зала галереи «Борей», Нина Флоровская отобрала 25 картин, сделанных в последнее время (за 5-6 лет).

На всех холстах изображены дети (мальчишки и девчонки) из уже далекого прошлого. Это конец 50-х - начало 60-х годов XX века. Кого-то из детей можно узнать. Например, в «Ленке – лыжнице» много сходства с художницей Еленой Серебряковой. Соответственно, в «Андрюше-зайчике» есть что-то от нынешнего Андрея Юрьева, мужа Нины Флоровской. Есть и другие узнаваемые персонажи. Всех их связывает то, что это люди одного поколения, родились полвека тому назад. Нельзя сказать, что художница, которая работала по фотографиям, изо всех сил стремилась к портретному (буквальному) сходству. Скорее всего, это произошло само собой, без особой натуги. Мастер с такой задачей справляется легко.

Гораздо интереснее другой эффект: когда мы глядим на персонажей Нины Флоровской, на этих «детей кукурузы», то возникает ощущение, что все они, несмотря на незначительные внешние различия, очень друг на друга похожи. На ум приходит такое понятие, как «советские дети». И, действительно, это типичные мальчишки и девчонки того времени. Их детство, если верить официальной пропаганде, было счастливым. Спасибо партии за это! Но картины Нины Флоровской опровергают этот радужный тезис. Многие детишки выглядят чахлыми, забытыми - особенно с точки зрения нынешних представлений о счастье, моде и комфорте.

Зрители ..активно включаются в интерактивный процесс и что-то пишут на белых листах бумаги, которыми усыпана вся галерея. Отзывы разные, в основном, эмоциональные, но есть и сугубо философские отклики. Часть зрителей обвиняет Нину Флоровскую в очернительстве действительности. Другая часть, тоже многочисленная, наоборот, благодарит художницу за возможность вспомнить прошлое.

Ну а для эстетов проект Нины Флоровской - это еще одна возможность поразмышлять о парадоксах «внешней и внутренней визуальности». Ясно, что воспоминания (образы памяти) относятся к сфере «внутренней визуальности». Они подернуты «дымкой». Вспоминая самих себя в детском возрасте, мы, как правило, довольствуемся неким размытым, чуть ностальгическим образом.

..Оставим историкам - правдивые документы эпохи, а художникам отдадим преобразованные фантазией образы и картины, вырастающие из внутренней визуальности. Тогда и не будет обвинений в очернительстве действительности. И чахлые «дети кукурузы» сразу же превратятся в ангелоподобных чад. А детство, по выражению ..Бориса Пастернака, станет «ковшем душевной глубины».

17 июня 2005 года

..Известный питерский живописец и рисовальщик Вячеслав Михайлов выставил во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Мойка, 12) большой цикл станковых рисунков под общим названием «Лики России» - около тридцати портретов известных людей нашего отечества. Естественно, есть Пушкин, Достоевский, Гоголь, Розанов, Хлебников, Маяковский, Булгаков, Андрей Платонов.

Не столь отдаленное от нас время представлено портретами Арсения Тарковского, Виктора Астафьева, Евгения Леонова, Виктора Конечного, Андрея Синявского, Евсея Моисеенко. Есть и портреты ныне живущих: Андрея Битова и Николая Благодатова. В какой-либо особой концепции подобная выставка не нуждается. Великолепные работы говорят сами за себя. Графит в руках Вячеслава Михайлова ведет себя как кисть или как резец. Материализация лиц потрясающая. И к тому же графит позволяет проявить еще и какую-то особую топографию лица. Есть на выставке лики, напоминающие степи. Есть лица-леса, лица-болота. Горные лица тоже есть. Портрет Михаила Булгакова вырублен из скалы. Что-то степное-кочевое материализовано в портрете Льва Гумилева. Сам Вячеслав Михайлов выглядит матерым лесным человеком. Его борода сплошь утыкана иголками ели, волосы на голове в сосновых иголках. Да и взгляд у художника верный, охотничий. Такой не промахнется. И вообще рисование чем-то действительно напоминает охоту. Художник выходит на белый лист бумаги. Неожиданно что-то чиркает то тут, то там. Появились следы... Жди зверя...

29 июня 2005 года

Владимир Козин на питерской арт-сцене не новичок. Он дебютировал в начале девяностых выставкой «10 казней египетских» (1994). Чуть позже были «Паруса для бурлаков» (1995) и «Нафталиновый балет» (1996). Затем Владимир Козин примкнул к товариществу «Новые тупые» и в течение пяти лет активно выставлялся с художниками этой группы (Вадим Флягин, Сергей Спирихин, Игорь Панин, Инга Нагель). Владимир Козин - директор альтернативного передвижного искусства «Музей Мышеловка современного искусства» и ..один из создателей галереи «PARAZIT», которая не имеет своего физического адреса.

К музеям Владимир Козин относится трепетно, для него они не только «культурный досуг, но и живой, неиссякаемый источник творчества». На выставке в галерее «Борей» были представлены наиболее интересные образцы частного музейного творчества Владимира Козина, сделанные за 15 лет. Это объекты, коллажи и прессарт.

Домашнее музеефицирование Козина не отличается от большой музейной работы центра Помпиду или музея Гугенхайма. И там, и тут шедевры, культовые имена, с которыми экспериментируют кураторы, искусствоведы, комиссары выставок. Когда Козин берется за какой-либо проект, то он сам себе и художник, и куратор, и режиссер. И жонглер. Жонглировать ему приходится контекстами, стереотипами, мифами. Например, для небольшого проекта «Ленин всегда живой» Козин взял крохотный фарфоровый бюст вождя пролетариата, водрузил его на деревянный пьедестал, а рядом поставил двух голых часовых - Адама и Еву. На роль Адама подошел Кен, на роль Евы - Барби.

В коллаже «Шубка» «домашней музеефикации» подверглась жена Рубенса Елена Фаурмент. Как радушный хозяин-барин, Козин одел Елену, замерзающую на репродукции, в натуральные российские меха, чтобы она могла смело путешествовать по России, не опасаясь сильных морозов. Серия козинских офортов «Сон разума рождает чудовищ» сделана по мотивам одноименного гойевского цикла. Между двумя шедеврами (испанца и нашего художника) разница огромная. У Гойи ощутима тема вечного насилия человека над человеком, а в раскрашенных офортах Козина все происходящее - это всего лишь цирк и карнавал.

В гипсовом обломке Давида Владимир Козин просверлил дрелью зрочки и вставил в них дверные глазки. Давид сразу же превратился в пытливого куратора-искусствоведа, обдумывающего очередной «грантоемкий проект». И особенно хорош (подлинно российским размахом) музейный цикл «Детство. Отрочество. Юность. Зрелость. Старость». К каждому периоду жизни великого писателя Льва Толстого Владимир Козин подобрал сапожки по размеру ноги. Семидесятилетний Лев Николаевич («матерый человецище») носит «обувки» метрового размера.

11 августа 2005 года

Выставка Артура Молева «Как стать богатым и знаменитым» в галерее «Навикула артис» (Пушкинская, 10) вызвала большой ажиотаж среди тех, кто интересуется актуальным искусством.

На питерской арт-сцене художник Артур Молев был активным деятелем. Участвовал во многих выставках, придумывал и реализовывал проекты, порою очень дерзкие. Уехав полтора года тому назад в Голландию, он не исчез с горизонта, не растворился в общей массе коммерческих художников, имя которым легион. Артур Молев стал бороться за место под арт-солнцем и придумал очень рискованный проект. ..

Артур Молев решил играть честно. Он сделал серию своих как бы «фотороботных портретов». Изобразил себя любимого, талантливого в девяти ипостасях. Перечислим их, потому что это очень важно для понимания размаха художественной игры: Молев - фараон, Молев - Пушкин, Молев -

Чингачгук, Молев - гимназистка с косичками. Есть еще Молев - моряк, гипнотизер, авиатор, испанский идальго и космонавт. Во всех вариантах (во всех ролях) Молев вполне органичен и узнаваем..

Все девять «фотороботов» художник включил в пояснительную листовку. В ней нет длинных комментариев, но есть одно важное и пугающее английское слово «WANTED» (разыскивается). И так, оказавшись в Европе, мало кому известный питерский художник объявил поиски самого себя. ..Но какие поиски без награды? За поимку себя дорогого, красивого, умного Артур Молев назначил вознаграждение в три тысячи евро. Много это или мало? Если за каждую голову «фоторобота» (их всего девять) давать по три тысячи, то сумма будет почти кругленькой!

Отпечатав листовку в достаточно большом количестве, Артур стал расклеивать ее в городах Голландии, Германии и Израиля. Места выбирал заметные, информационно насыщенные. Понятное дело, что в простом акте расклеивания еще нет художественного результата. ..Поэтому Артур брал фотоаппарат и фиксировал процесс. При этом он оставался художником и делал вполне качественные фотографии. Вот их-то он и выставил в галерее «Навикула артис». ..Виды различных городов, урбанистические пейзажи, на которых запечатлены, среди прочего, стены домов, двери, окна машин. Только взглядевшись, замечаешь, что на каждой фотографии есть та самая листовка «о девяти головах».

Она - неотъемлемая часть городского пейзажа, хотя частенько с ним сливается. .. Сам Артур Молев не собирается останавливаться на достигнутом, и художественное расклеивание, скорее всего, будет продолжено. ..Но интересно то, что в галерее «Навикула артис» Молев выставил, помимо фотографий, еще и керамику, и живопись с тем же сюжетом WANTED. И знаете, живописные фотороботы - просто прелесть. Настоящие герои еще не снятых мультяшек. За них не жалко выложить три тысячи евро.

17 августа 2005 года

У «Диалогов» свой зритель. Он уже привык к той художественной игре, которую предлагает ему куратор, и, придя на выставку, сразу же ищет что-нибудь этакое, из ряда вон выходящее. И, надо сказать, находит. Очень часто на ловца новых визуальных впечатлений и сам «зверь-объект» бежит. На нынешних «Диалогах», кстати сказать, именно так и происходит.

Как только входим в аванзал, сразу же начинаем рассматривать игровой проект Валерия Мишина «Самое лучшее произведение прошедшего сезона». Никакого подвоха не подозреваем. Вот рамы, вот картины. Странно, что они висят отдельно друг от друга. Художник так спешил на выставку, что не успел натянуть холсты на подрамники. Ничего подобного! В том-то и фокус, что Валерий Мишин предлагает нам для созерцания особенные произведения. Те самые, которые рождаются из настоящего «художественного сора». Короче говоря, мы очень серьезно рассматриваем «тряпочки», об которые художник вытирал свои кисти. Их бы надо было бы выбросить, но Валерий Мишин обратил внимание, что краска легла на тряпочки очень выразительно, превратив их в интересные абстракции. Он счел нужным показать все эти «матрицы» на выставке. И не прогадал. Иной раз художник в своих работах специально хочет добиться такой искренности цвета, но у него ничего не получается. А тут, как говорится, помог случай.

В современном искусстве трудно отделить серьезное произведение от несерьезного, специально подстроенную ловушку от бездны, которая разверзается сама по себе, по мере того, как погружаешься в созерцание. Повод для таких мыслей дает нам видеoinсталляция «Письмена» Владимира Бугаева и Ларисы Антиповой (оба из города Ханты-Мансийск). На экране монитора в режиме non-stop крутится черно-белое кино. Мы видим, как из одной графической композиции рождается другая. Действо завораживает. Это уже не просто «смена картинок», а некая вселенская метаморфоза: все возникает из всего. Из пыли - материя, из материи - пыль... Но где гарантия, что художники нас не мистифицируют? Вдруг это тоже очередной розыгрыш?

Но вот финская участница «Диалогов» Марья Пириля из Тампере ..работает открыто, не скрывая технических деталей. Во всяком случае, никакого подвоха в ее «Камере обскура» нет. ..Обычная камера наблюдения.. установлена с видом на Бульвар профсоюзов. Но картинка, которая возникает на экране, «перегоняется», транслируется через двадцать один объектив. По законам физики изображение переворачивается. На итоговом табло мы видим 21 крохотное изображение Конногвардейского бульвара. Такого даже во сне не увидишь: троллейбусы едут вниз «усами», люди бегут вверх ногами. ..

..Межжанровые диалоги происходят очень редко. И, как правило, внутри одного произведения. На нынешней выставке есть огромное «полотно» финской художницы Тери Хейно под названием «740 часов» (десять метров в длину, полтора – в высоту). Оно сшито не из ткани, а из пакетиков чая, которых более восьми тысяч. Что это на самом деле: картина или инсталляция? Сама художница считает себя скульптором, который работает с нетрадиционными материалами, чаще всего бросовыми. ..

Если говорить о зоне отдыха, то на нынешних «Диалогах» их было несколько. На полную катушку зрители веселились, а заодно и отдыхали от серьезного искусства в отсеке, где были выставлены «живые картины» Екатерины Рождественской из большого цикла «Частная коллекция».

РАШИД ДОМИНОВ ЭТЮДЫ О ФАРФОРЕ

ЧАЙ ВДВОЁМ

Фарфор изобрели очень давно. В те средневековые времена художником мог стать человек, наделённый мастерством, вдумчивостью, терпеливостью и усердием. Тогда не предполагалось, что через многие столетия все эти требования будут заменены на беспомощные инсталляции, подпёртые инструкциями героя сегодняшнего «творческого» процесса - куратора. К счастью, искусство фарфора почти не подверглось этой подмене, не утратило свой язык. В фарфоре многое нельзя, но как раз это «нельзя» и защищает его от разрушительных нововведений. Мне думается, ещё и потому, что фарфором занимаются люди, любящие фарфор, а не себя в фарфоре. Именно таким мастером, вечно склонённым над своим рабочим столом, является Галина Шуляк, выводящая только ей доступные кобальтовые линии, лаконичные и сложные одновременно. Узор, сконструированный художником, на первый взгляд противоречит форме, но на самом деле выявляет её скрытые грани, придаёт ей личностный характер, неповторимое своеобразие. Своего рода авангард с человеческим лицом - явление уникальное и желанное. Настоящий художник - это стиль. Лирический конструктивизм кобальтовых орнаментов Галины Шуляк - это элемент того стиля, который украшает нашу жизнь и придаёт чувство достоинства нашим церемониям.

Я рад, что имею возможность сказать эти слова автору моей, давно уже любимой чашки с широкими кобальтовыми полосами. Пить чай из неё вкуснее, чем из других.

ПАМЯТИ ЭЛЬВИРЫ ЕРОПКИНОЙ

Художников по фарфору относительно немного. Это обусловлено спецификой многотрудного производства, не терпящей игнорирования установленных веками условий, при которых фарфор рождается и становится украшением нашей жизни. Ещё меньше среди них скульпторов, работающих в фарфоре. Привлечение «обычных» (среди которых множество талантливых) ваятелей в фарфоровое производство, часто оканчивалось неудачей, так как всё их творчество сводилось к механическому уменьшению станковой скульптуры. Фарфоровая скульптура - это особая, не похожая ни на какую другую, драгоценность. Её нельзя перевести в другой материал - она может быть только фарфоровой. Именно такие прекрасные, неповторимые вещи созданы Эльвирой Еропкиной. Воплощённые в этом хрупком и вечном материале, её герои смотрят на нас (как всегда бывает с настоящими произведениями искусства) глазами её автора - с мягкой загадочной улыбкой. Сглаженные глазурованной поверхностью, формы не обезличивают эти образы, а напротив, убирая всё случайное, выявляют только главное, поэтическое. Перед нами не схемы, а живые персонажи. Это достигается благодаря точному глазу художника, внимательно смотрящему и творчески осмысляющему жизнь. Роспись фигур, выполненная Эльвирой Еропкиной, также самобытна, свободна, с большим декоративным тактом. Живописная скульптура становится праздничной. В ней появляется некая карнавальная таинственность - ещё одна завеса на пути моментального постижения её произведений. Поэтому на творения Еропкиной хочется смотреть долго, жить с ними, неустанно любясь их бесконечной красотой.

ВАЛЕРИЙ МИШИН

КОЛИГОЛИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ

Самым главным был, всё-таки, Ломоносов. Так считаю. Утром встал и решил. Спрашиваю у Коли Голя. Столкнулся с ним у сортира.

- Коля, скажи, кто самый главный?

- В каком смысле?

- В простом. Кто самый главный - и всё. Без лишних вопросов.

Коля задумался. Пока думает, скажу: мы с Колей живём на одной даче, сортир общий. Сегодня Коля собирается в город. Отец ушёл в запой, нужно вызволять. Отцу, конечно же, папе, за восемьдесят. Живёт с молодой женой (относительно папы) на Сенной площади, на четвёртом этаже. Лифта нет. Одолеть вертикальное направление может не всегда. Жена отказывается ходить за спиртным. Папа придумал: высунулся за балюстраду и, сговорившись с уличными прохиндеями, спустил на верёвочке в полиэтиленовом пакете пятисотенную. Те честно, надо же, положили в пакет три бутылки водки, пару пива (взяли себе процент строго по уговору). Жена приходит домой - папа хорош. Позвонила Коле. Теперь вопрос. Я спросил: Коля, кто самый главный?

- Наверное, господь Бог.

- Разумеется. А если не так глобально, попроще?

- Надо подумать.

- Да не думай, самый главный - Ломоносов.

- Почему?

- Да так, с утра почему-то решил: самый главный - Ломоносов. Согласен?

- Не вполне.

- Давай так: сегодня самым главным будет Ломоносов, а завтра решим кто.

Коля кивнул - и на электричку. Только ушёл, к калитке подвалил какой-то тип.

- Скажи, где живёт Серёга.

- Не знаю.

- Как не знаешь? - Ругает мою маму.

- Не знаю.

- Не знаешь Серёгу? - Ругает мою маму.

- Нет.

- Ну, у него красная БМВ.

- Не знаю. - Ещё сильнее ругает мою маму.

- Как можно не знать Серёгу? Он здесь самый главный. - Ушёл, ругая мою маму.

Мама, прости, даже после смерти тебя вспоминает кто ни попадя. Всё же формулировку надо уточнить. Коля прав.

Коля отбыл, и в мире начались катаклизмы. Затонул на Дальнем Востоке наш батискаф, моряков едва спасли англичане. Погиб в автокатастрофе губернатор Алтайского края актёр-юморист Евдокимов. Губернатор Чукотки Абрамович, никак с перепугу, подписал контракт в триста миллионов долларов на строительство в Москве современного футбольного стадиона (ей-же-ей, как говорят, можешь быть паинькой, хорошим еврейским мальчиком - с погромом всё равно придут). На Балтике начался шторм, волна выше семи метров, скорость ветра под тридцать, потерпела крушение польская яхта. На помощь подоспели англичане. У нас ветер ломает ветки. Из дома хоть не выходи. А надо.

Мы с Колей ведём ежедневные беседы в саду под пиво. За пивом ходим по очереди. В последний раз брал я. Рубля не хватило. Сказал продавщице: - Если поверите, занесу.

- Я уже никому не верю.

Тем не менее дала. А я второй день не могу отдать. Вчера в соседнем доме снимали сериал. Машин понаехало на квартал, до самого магазина. Крики, стрельба. Конечно, киношные эффекты, но сколько народу на съёмках гибнет. Жуть.

А сегодня ветер ломает ветки, по радио объявили штормовое предупреждение, в городе повалено пятьдесят деревьев и несколько автомобилей, обесточены десятки домов. У нас тоже свет погас.

Однако сподобился. Превозмогая страх (да поможет мне мой ангел-хранитель из винного магазина), боком-боком, вдоль забора, оглядываясь, добрался. Магазин закрыт - у них тоже света нет. Надо же, какая ерунда. У женщины под угрозой вера в людей. Этот рубль может стать последней точкой.

Вчера Коля спросил: - Рубль вернул?

- Верну, пусть денёк подождёт, от этого её вера только окрепнет.

Иди знай, что будет ураган.

На удивление свет через пару часов наладили.

- Извините, - говорю, - из-за меня у вас могла окончательно подорваться вера в людей. Беру пиво.

- Приплюсуйте мой рубль.

Считает, считает: "Восемьдесят один". Даю сотню.

- Посмотрите рубль.

- Нет.

- Ладно, занесёте.

- Нет, нет, не могу больше вас подвергать таким испытаниям, я и так два дня мучался - то стреляют, то ураган, мало ли что случится теперь. Наскребла мелочь. Вернулся Коля.

- Коля, кто сегодня самый главный?

Опять задумался. Характерно, о чём его не спроси - всегда задумается. Всё подвергает сомнению. Потом сказал: "Моцарт". Значит, Моцарт. Гениально.

Для меня загадка, как это люди за такой короткий промежуток жизни могут сотворить столько замечательных дел. Моцарт. А монах Мендель разве не загадка? Наблюдая как-то за мухой дрозофилой, Мендель сделал выдающееся открытие в области генетики. Надо же. Эта муха живёт только один день. Родится, подрастает, постигает прелести жизни, оставляет потомство и умирает. Жизнь как выстрел. На этой мухе всё наглядно.

- Коля, - говорю, - вот мы собой сидим допоздна, просыпаемся к полдню, а Мендель успевал встать, управиться со своими монашескими делами и вдобавок, едва муха успевала помереть, сделать ещё историческое открытие.

Коля задумался.

- Насколько я знаю, Мендель проводил опыт с цветным горошком, у тебя неточные сведения, с дрозофилой работали его последователи.

Коля закончил библиотечный факультет Института культуры и сохранил привычку посещать библиотеку, даже здесь, за городом. Сел на велосипед и привёз выписку из энциклопедии. Действительно, с дрозофилой работал учёный по имени Морган.

- Он тоже монах?

- Нет, еврей.

Ох, уж эти мне евреи, вечно во всём сомневаются. Коля Голь напомним известную историю. Академик Лысенко (опять же к вопросу о генетике) выдвинул теорию: если у курдючных овец из поколения в поколение обрубать хвост, то в итоге получим экземпляр, рождённый с обрубленным хвостом. На это профессор Эфроимсон (по другим источникам: Раппопорт) ему ответил, мол, евреи уже несколько тысячелетий практикуют обрезание, и всякий раз обрезание приходится делать заново.

И всё-таки, на сегодня самый главный Моцарт.

Ветер свистит. Концерт для флейты, гобоя, виолы да гамба и прочих подсобных инструментов с оркестром деревьев с обломанными ветками с заброшенного дачного участка. Мы сидим с Колей на веранде, пьём пиво с подлезником, выдаваемым в местном магазине за воблу. Беседуем.

ЛЕНИАРНОЕ

У Ленина было три пенька. На одном сидел, на другом писал исторический труд *Государство и революция*, на третьем мог присесть Зиновьев или кто-либо из партийных соратников, забредших в лесную чащу близ озера Разлив.

Семёныч, старожил тутошних мест, заставший в живых ещё рабочего Емельянова, перевозившего Ленина на лодке через озеро, пригласил меня за грибами по ленинским местам, и мы отправились на его допотопном драндулете. Меня не так привлекали грибы, как желание поглядеть, по какому бурелому хаживали вожди пролетариата. Доехали до шалаша и резко свернули вглубь леса. Основная публика осталась сбоку, у озера. Теперь, в основном, приезжают на пикник, а не затем, чтобы причаститься, потрогать пенёк и прикоснуться к шалашу. Семёныч вспоминает, как некогда трое его знакомых прибыли чёрти откуда, с другого конца Союза, попросили свести их к шалашу, поставили на три пенька по бутылке водки, выпили по стакану за здоровье бессмертных идей, остальное оставили тем, кто забредёт на огонёк, и счастливые отбыли по домам. Святое место тщательно оберегалось. Пеньки, разумеется, сгнивали, их заменяли однотипными, шалаш также подновлялся, правда, какие-то злыдни его несколько раз поджигали, но тут же из пепла возникал новый. Так было до перестройки, когда шалаш сожгли окончательно. Места, надо признать, топкие и комаринные, гниль да валежник. Чтобы историческое место не было затоплено, проводились мелиорационные работы, рылись каналы, прорубались просеки. Вдоль этих канав мы и путешествовали.

Вечером мы пожарили грибы, устроили застолье и пригласили Колю Голя.

Наши беседы с Колей проходят за пивом. Желая слегка разнообразить наши посиделки, я предложил подключиться к побочному развлечению. Пивные компании проводят разнообразные розыгрыши и лотереи. Купил - ищи под пробкой удачу. Пиво *T* нам не подошло. Там СМС-игра, клуб знакомств,

предпочтительно для молодняка - *перейдём на Т* и прочее. Наше же удовольствие от пива - чтобы перво-наперво функционировала система мочеполовая, без фурацимида и фитолизина - выбежать ночью во двор, взглянуть на звёзды, на бездонное небо, луну сквозь перистые облака - восторг. Такая красота была подвластна только Архипу Ивановичу Куинджи.

Выходит, *Т* нам не по профилю. Честно сказать, новые знакомства с барышнями особенно-то заводить и не хочется. Оно, конечно, неопишуемые прелести, *зовы новых губ*, соблазны на полную катушку, но геморрой от бесконечного перелопачивания личных обстоятельств каждой новой знакомой отталкивает. (Геморрой как такового нет, мой давний коллега, художник-оформитель Киров Дмитрий Николаевич, настоящий Киров, не Костриков, без псевдонима, всю жизнь проработавший в Доме санитарного просвещения, своевременно посоветовал после посещения туалета по большому делу подмываться холодной водой - и всё в порядке).

Так вот, всякая новая барышня непременно норовит изложить свою историю. Истории, как правило, по одной схеме: неудачная любовь, развод или просто разлад, до брака не дошло, но ребёнок есть. Теперь тыркается - ребёнок то у неё, то у бабки, то подружке подбросит, нужно отвести в детский сад, успеть забрать после работы, магазин, очереди, прачечная, денег нет и т.д. и т.п. Следует проявлять сочувствие, тем временем к тебе присматриваются - годен ли на роль будущего попечителя. Второй вариант - детей нет, но там другие комплексы, в том числе и по части деторождения, сперва рожать не хотела, теперь из-за абортот не может, плюс какое-нибудь специфическое женское недомогание, бывает того хуже - наркота, курила травку, потом подседа на дурь покруче, бросала, непременно бросит. Будем верить. В любом случае нужно выслушивать, вникать. ...Зачем это нам нужно, мой любезный друг, зачем искать прключения на собственную жопу? (Ох, оговорился, мужское товарищество как-то нынче не чит). Зачем? Когда можно спокойно сидеть на веранде в летний вечер, пить пиво и рассуждать. Досаждают лишь комары, но мы их фумигатором, раптором, раптором...

Мы с Колей выбрали приманку пивоваренной компании *Балтика*. Там под крышкой всегда лишний автомобиль, фирменный бокал за энное количество крышек, новая бесплатная бутылка пива и, наконец, что-то малопонятное под названием *радиобанка*, которую можно получить в Москве. Для этого нужно предъявить три крышки, под которыми в рисунке створа ворот - звёздочка, в левом углу, правом и по центру. Меня прельстила *радиобанка*, и я стал проверять крышки. По углам звёздочки попадают, в центре - нет. Явное надувало, не сомневаюсь, звёздочки разбросали по разным регионам, в одном месте три позиции фиг найдёшь, хоть давай объявление в интернете - меняю звёздочку в углу на звёздочку посередине - или пиши СМС по всему свету.

Коле повезло больше. Он выиграл халявную бутылку пива. Пошёл в магазин - не дают, нужно ехать в город. Что же за безобразия, говорю Коле, представляешь, а вдруг бы Ильич, когда отсиживался на местных болотах, дабы развеять тоску и поддержать отечественного производителя, купил бы пару-тройку пива и выиграл приз. Что, ему нужно было отправляться в город? Так его там непременно бы арестовало Временное правительство. Коля, приглядитесь, как гибнут ленинские идеи о всеобщем братстве и демократии, как хищнический капитализм распускает щупальца спрута. Допустим, в город мог съездить Зиновьев или кто-то из партийцев, а если бы Ильич выиграл *радиобанку* и сгорал от нетерпения послушать сонату Аппассионату? Как добраться до Москвы? Ведь реально туда он смог попасть только в 1918 году?

Совсем недавно Ленин был одной из самых знаковых и популярных в мире фигур. По рейтингу он делил первое место попеременно с Иисусом Христом и Чарли Чаплиным. Культ Ленина был всепроникающим, он не был доведён до крайнего идиотизма культа основателя *чучхе* или идеолога культурной оранжереи (*пусть расцветают все цветы*), у нас всё же не восток, а полу-восток. Только ли на рабском поклонении и страхе он держался? Что, скажем, дёрнуло Тынянова в параноидальной ленинской писанине выискивать перлы литературного языка? Поэты соревновались в красноречии: *я себя под Лениным чищу* (Маяковский), *Ленин - мой самый интимный друг, я его оскорблять не позволю* (Евтушенко). И т.д., примеров тьма, не хочется мусорить.

Куда всё это исчезло? И что это было?

Когда переименовали Ленинград в Петербург, я лет десять не мог привыкнуть, называл город Ленинградом, и только теперь окончательно затвердился Петербург, Ленинград пропал даже в оговорках.

Коля вспомнил, как однажды в былые годы он попал на Пряжку (о диагнозе был задан вопрос отдельно - алкогольный суицид). В их палате лежал пациент, выдававший себя за Ленина. Так случилось, что у его родной матери фамилия была Каплан, поэтому когда она его навещала, он прятался под кровать и кричал, что его хотят убить.

Нынче, говорят, в сумдомах Ленины появляются редко. Шизики большей частью перевоплощаются в знаменитых личностей, чьё имя у всех на слуху. Сумдом - показатель нашего общего дома. А что в этом доме?

В этот вечер Коля вспомнил ещё, как его принимали в пионеры и возили в автобусе к музею-шалашу. Мы допили пиво и разошлись.

ОЛЕГ ФРОНТИНСКИЙ

ТЕЛЕФОН

Культуристы силу пробовали и повалили все телефонные будки на нашей улице. Будки так и лежали. Дверцы откинута, как крышки люков. Народ ходил - ругался. Но силы поднять, конечно, нету. Будки так и лежали. А ведь бывают срочные телефонные разговоры - скорая помощь или пожар.

Одна солидная дама решила первой. Асфальт был чисто выметен, поэтому она и решила. Легла на асфальт недалеко от будки, руки по швам, и покатила. На грудях подпрыгивала, как на кочках. Так в будку вкатилась и побеседовала. Выкатилась улыбающаяся. Оказалось, что в горизонтальном положении автомат срабатывал без двух копеек. Народ быстро сообразил. Разговоров накопилось много. Невысказанное не дает жить спокойно. Длинная очередь выстроилась. Чья подходит, уже ложится, чтобы вкатываться.

В этот день в соседних магазинах никакой выручки не было. Народ только звонил. Все свободное от работы время. Асфальт перед будкой отполировали до блеска.

Тогда-то и появился ходящий на руках. Он все любил поставить с ног на голову или на руки. Его рыжие волосы висели до земли, а казалось, что они стоят дыбом. Он всегда ходил только на руках, хотя и не был йогом. Ему никто не подражал. У него не было последователей. Вся улица продолжала ходить на ногах. Он ничего бы и не заметил, если бы не вытертый до блеска асфальт. Мимика его была непонятна для нормально ходящих. Но видно было, что он поражен - по тому, как дрогнули его ноги. Он несколько раз обошел пятно отполированного асфальта. Потом его сбил с рук очередной вкатывающийся. Он сидел обескураженный, сбитый с толку. Мир повернулся в его глазах. Он уполз на четвереньках, как побитая собака. Его не видали несколько дней. Он, наверное, болел или переживал глубокую травму.

Однажды утром будка оказалась поставленной на крышу. Ходящий на руках стоял на руках и говорил. Казалось - он говорил всю ночь. Он вышел счастливый. Это было видно по тому, как гордо дрогнули его ноги. Он снова обрел себя, обрел веру в себя. Никто не решился перевернуть его будку. Ее подставка вполне сходила за массивный карниз. Ни у кого не появилось даже желания перевернуть его будку.

КОЗОЧКА

Сегодня в нашей булочной вместо хлеба давали кирпичи. Не кирпичи хлеба или булки, а обыкновенный красный кирпич. Никто не удивлялся, не возмущался. Продавец совал в руки что-то добротное увесистое, за что, конечно, не жалко денег. Эту вещь не возьмешь двумя пальцами, а всей рукой или подмышку. Торговля шла бойко, во дворе разгружались самосвалы. Книга жалоб и предложений спокойно висела на видном месте. Тут важно было, что - кирпич, а не камень. Глина - тоже тесто, обжигать - выпекать. Так что никто не удивлялся, не возмущался. Очередь добродушно переругивалась и равномерно продвигалась.

И лишь за углом, где начинался пустырь, покрытый веселенькой травкой, происходила небольшая заминка. Здесь стоял человек в милицмейской фуражке, в остроносых ботинках, в белом фартуке, в зеленых брюках и с трубкой в зубах. Вид его был нелеп, но ничего удивительного, разве что трубка. Он говорил: "Складывайте здесь", - таким тоном, будто давно решено было складывать и показывал рукой - куда именно. Люди складывали кирпич и проходили без вопросов. Они помнили, что сегодня - понедельник, они избавлялись от неудобного груза... кроме того, некоторым человек с трубкой протягивал шарик, доставая из кармана и тут же его надувая. Трубка сдвигалась тогда в угол рта. Шарик наполнялся воздухом вместе с дымом. Счастливчик уходил, улыбаясь, унося шарик, других человек в фартуке одаривал просто колечками дыма. Одному длинноносому человек подарил целых три.

Человек с трубкой рисковал. Он рисковал потому, что не все сворачивали на пустырь. Некоторые уходили совсем в противоположную сторону. Их след и след их кирпича терялся тогда в пыли и гомоне улиц.

Этот двухэтажный детский садик был сделан без единого гвоздя. Из одних лишь кирпичей. Ни одной бетонной детали - только кирпич. Своды потолка, арочки окон, переплеты и водосток - все кирпич. Недаром человек в белом фартуке был с трубкой. Он был старой закалки - старая бестия. Его и сделали директором садика. В милицмейской фуражке и с трубкой в зубах.

Только через неделю, в следующий понедельник, пришел к нему один раскаявшийся. Оказывается, он спрятал кирпич за пазуху еще в булочной и незаметно пронес домой. Но кирпич всю неделю жег его руки, и он принес его, раскаявшись. Кирпич поставили на окне у директора среди прочих цветов зла.

А во дворе того кооперативного дома, что в противоположную от садика сторону, появился фонтан с красной кирпичной козочкой, из четырех сосцов которой весело текли четыре звонкие, сияющие струйки, и каждая струйка весело сворачивалась жгутиком.

ВИКТОР ТИХОМИРОВ**БЕЙ МОЛОДЫХ!**

«Хорошо быть молодым,
просто лучше не бывает...»
(из песни)

Молодежь, конечно, прекрасна, стройна, белозуба, не обременяет докторов, главное - беззаботна. Всякий не прочь сделаться молодым на любых условиях, но что-то нет таких предложений.

Оголтелой моде на молодежь лет 60. Причины, возможно, две. Во-первых, вследствие необычайно кровопролитных войн, при очевидной их нелепости и жестокости (каждый раз даже не сообразить из-за чего разодрались), у воевавших поколений созрел мощный комплекс неполноценности, страстная мечта о новой, разумной молодежи, которая заживет как следует и уж не станет совершать глупостей.

Во-вторых, извращенно стремительный «технический прогресс», как бы обеспечивавший занятость множасьему населению, но на условиях постоянного обновления всего и циничного уничтожения маломальски застаревшего. То есть пошла мода на все новое, в том числе и тупо - на молодежь. Конечно, процесс захватил и культуру, и искусство. Традиции, мастерство, накопленная духовность - все это стало раздражать, нервировать общественное сознание, поскольку повеяло вдруг надеждой на скорый результат от различных новшеств, и, как иллюстрация - появление повсеместно источников наслаждений, незатейливых, но почти дармовых. Эти ожидания привели к невероятной популярности теле- и иных игр (а хорошо бы проследить судьбы выигравших крупные призы, сделались ли они счастливы?). Главное, показалось всем: спешить и не зевать. Только новое, и даже не обязательно новое, а лишь бы последнего выпуска, сделалось самым востребованным, тем более восприятие этого «нового - последнего» не требовало труда изучения предыдущего, а только отрицание. Да и творцы быстро смекнули, что обращение к традициям может мешать любезной всем оригинальности. С чего-то вдруг стало цениться «самовыражение», причем самовыражение любого, может быть вполне ничтожного субъекта и по любому ничтожному поводу.

Молодежь, то есть наиболее талантливая, но не развитая часть населения, теперь только и хочет нового, воспринимая все традиционное как тормоз на пути к еще большей ослепительности своего безмятежного существования. Четырехлетняя племянница лепечет: «Вы все старые фильмы покупаете, а надо молодые!» То есть выражает целую идеологию удовольствий и развлечений, не требующих развития. С ней немедленно соглашаются все СМИ, выкатывая ежеминутные рекламные ролики.

Армия, к примеру, структура малосимпатичная, но направленная не просто на выживание, а на уничтожение себе подобной, то есть сама жизнестойкость. Там слово «молодой» - позорная кличка, заменяемая определениями: «гусь», «салага», «черпак» и т.п. В разведку с «молодым» пойдет только враг, желающий «засыпаться» или самоубийца. Что же думать о жизнестойкости структуры обожествляющей молодость?

Делаясь самой модной, «продвинутой» в обществе, молодежь первая же и страдает, не осознавая причин. Ей-то все кажется, что недостаточно еще воздастся почестей за молодость и красоту, да мамыши с папашами недопонимают еще, что должны сидеть тихо за шкафом, аккуратно сдавая молодым доходы. Но тех точит тоска из-за дикого страха возраста (тем более неохота заводить собственных детей, ведь те будут моложе) и, стало быть, места за шкафом. Тоска эта чисто сиротская. Вообще, вся так называемая «молодежная культура» одним лишь сиротством и отлична. Что можно подумать о молодом человеке, а пуще того, юной деве - раскованной, курящей, пьющей продвинутое пиво, брито-крашеной, с экстремальными замашками, - сирота! Более энергичные идут в бандиты, средние в рок, слабые - в наркоманы, лишь бы не в нормальные люди. Однако, несмотря на призывы рокеров, «умереть молодым» естественным порядком никому не удастся. Оно бы не худо, при условии долгожительства, но к нему более приспособлены как раз замшелые обыватели.

Что делать? - спрашивается в очередной раз. Что предпочесть - комфорт, которого все равно всегда недостаточно или возможность чуток продлить человеческое существование?

Ежу понятно, что история человеческих заблуждений необратима, но для душевного равновесия необходимо обществу произвести следующие, так сказать, обустройства:

молодежь лучше всего было бы хорошенько посечь, хотя это немодно, а в свете современных веяний, вполне может быть сочтено за действие эротического оттенка. Затем, и эта идея не может быть, чтобы вскоре не воплотилась, положить начало изданиям и телевизионным передачам, порочащим и дискредитирующим молодежь, что не сложно, и таит в себе массу сатирических и юмористических возможностей. Только портреты пожилых заслуженных людей должны украшать обложки журналов и полосы газет. Безусловно, все молодежные издания есть концентрированная глупость и учебники

пошлости, что открывает неисчерпаемые источники сарказма для «правильных», по-настоящему прогрессивных изданий. А сколько талантливейших авторов готовы откликнуться на призыв данной статьи?! Как можно всерьез сочувствовать молодежным трудностям, когда всякий согласен поменяться с молодежью местами? Не помогать молодым требуется, а напротив, всячески их угнетать, чинить на каждом шагу искусственные препятствия, не платить заработанного и даже унижать их неокрепшее человеческое достоинство для их же пользы. К стати пришлась бы и беспощадная эксплуатация. Повсеместно чтобы одобрялись, поощрялись и рекламировались неравные браки (что и так уж происходит, до того это естественно), особенно пожилых дам с юношами, хотя бы для воспитания и ущученья девиц, мнящих себя хорошенькими. Женщины ведь все равно живут дольше. Одежда должна быть такова, чтобы максимально скрыть молодость и всячески выпятить качества пожившего человека. Имитация полноты, сутулости и морщин с сединами должна быть всеобщей целью. Само собой, в центре общественного внимания легко окажутся реальные успехи и достижения пожилых людей. Демонстрация одних наград может легко заполнить пространства СМИ. Весь полученный от преобразований доход и, в первую очередь, освободившуюся жилую площадь заодно с личным автотранспортом, надлежит без заминки распределить по справедливости между стариками. (Марки автомобилей должны строго соответствовать возрасту. В «запорожце» юнец, в «мерседесе» - ветеран.) Пожилые граждане немедленно сделаются реально почитаемы в обществе. Все материальные блага молодым, конечно, все одно перейдут, но естественным порядком, по наследству. Волей-неволей, молодые вынуждены будут вести себя крайне прилично, чтобы не прогневать стариков, в видах правильного составления завещаний. Ни один старик не останется без внимания. Любая поскользнувшаяся старушка будет наперебой подхватываема расторопными молодыми людьми в трогательно поношенной одежде. Естественным будет стремление обретения качеств бывалого человека, то есть опыта, профессиональных навыков и обширных знаний. Начисто исчезнет страх старости. Все устройство общества примет естественный жизнеутверждающий вид, некоторым украшением которого и явятся поколения скромной, неброской, но закаленной и гармонически развитой молодежи.

САМОЛЕЧЕНИЕ

ДАЕШЬ ИМПОТЕНЦИЮ!

- Микола, ты сколько лет не мужик?
- Да года три...
- А я, слава Богу, пятнадцать!
- (анекдот)

Нет более праздного занятия, чем секс. Но давно уже перевелись издания, зовущие на подвиг и труд. Любый журнал или телепрограмма, желающие иметь хоть какой-нибудь рейтинг, обращаются к теме секса, как за спасательным кругом. И он вполне спасает. Факт налицо - интересуется народ чужим опытом в этой области и даже чуть ли не в первую очередь, гораздо прежде других, полезных знаний. Сперва большевистский запрет, а затем безудержная реклама любой эротике тому причиной. Многие, очертя голову, бросаются копить личный противоречивый опыт, даже через не хочу и через не могу. Конечно, всех интересуют горизонты потенции. Глощаются без разбора лекарства, делают свои пассы матерые колдуны. Кое-кто крупно зарабатывает. Появились первые потерпевшие, достигшие в краткий срок такой лютой негибамости, которую потом невозможно было усмирить ничем, кроме прямой ампутации. Сразу же появились леденящие кровь предложения о загадочных, рукотворных протезах. К чему же это так стремится человеческий гений? Может, стоит поугомониться и взглянуть на интимно-сокровенный вопрос иначе?

На самом-то деле, редкая жена не обрадуется известию, что муж ее импотент. Душевный покой, обретаемый ею тотчас, дорогого стоит, ведь теперь можно посвятить себя семье без опаски, что плоды усилий достанутся неведомой сопернице. Именно это и есть мечта всякой нормальной женщины, а вовсе не хваленые оргазмы, (которые как раз никуда и не денутся). Да и муж не нарадуется новому обстоятельству. Можно наконец-то отбросить постыдную суету для более серьезных, достойных занятий. Сэтого момента при общении с девицами или дамочками наилучшего сорта можно быть гордым, строгим и взыскательным, не опасаясь их неудовольствия, что особенно важно для педагогов и командиров

производства. Только теперь удастся по-настоящему ответственно отнестись к общественной морали и объективно судить о явлениях, ее подрывающих. Очень скоро общество созреет до понимания, что государственный муж обязан быть импотентом, не то его ждет участь американского президента Клинтона или нашего прокурора (забыл фамилию). Все революционные деятели были импотенты, зато и добились своего.

Стремиться к импотенции нужно лет с тридцати двух, когда несколько схлынет волна деторождения в семье. Достичь импотенции не легко, но вполне возможно.

Во-первых, следует отбросить сам этот термин "импотенция", впитавший в себя страх и неприязнь многих поколений. Заметим, однако, что и слово "потенция", применительно к человеку, отдает тупостью, а ведь человек - венец природы! Стоит разок посмотреть телерекламу какого-нибудь "Золотого конька" или "дракона", увидеть некогда родные лица знаменитых актеров, чтобы спросить себя: "Уж не хочешь ли и ты стать таким?" Ответ очевиден. И все же, это не значит, что нужно самому брать за хирургический инструмент или малоизученные лекарства. Не горячитесь. Такие способы как употребление наркотиков, пьянство, разнузданные загулы или искусственное самооблучение радиацией причинных мест, тоже не годны, так как не отвечают высоким целям человеческого существования. Внезапный сильный, непродолжительный испуг пришелся бы в самый раз, но есть риск перестараться и надолго обзавестись вместо импотенции икотой. На первых порах хорошо помогает сосредоточенность на мыслях, связанных с угрызениями совести. К сожалению, ее невозможно удерживать долго. Наличие в спальне угрюмотаинственных портретов родни, нарисованных маслом, тоже может помочь. Вовремя припомненный образ укоризненного лица любимой помогает стопроцентно. Плюс валериановые капли, в сочетании с физкультурой. Очень хороша для сохранения импотенции русская парная баня (особенно топящаяся "по-черному"). Кажутся странными нередкие попытки сочетать бани с увеселениями эротического оттенка. Баня и секс совместимы только через силу и вредят друг другу. За этими попытками всегда скрывается пресыщенность или замаскированное, по невежеству, желание обрести вот именно импотенцию. Там же, в бане, можно добиться пущего эффекта крапивными припарками и подбрасыванием на раскаленную каменку эфиросодержащих жидкостей. Затесавшихся в мужское отделение бесстыжих девок надлежит беспощадно гнать вон.

Суждение о том, что легкие упражнения или физический труд на свежем воздухе (лучше в сельской местности) пробуждают чувственность, усиливают потенцию и "остроту оргастических ощущений" - нахальная ложь. Нездоровая потенция происходит от развратных действий, чтения порно-литературы, просмотра фильмов и занятий т.н. "современным" искусством. Поклонники этих развлечений не скрывают, что такие крайние формы как садизм с мазохизмом давно включены в самый рутинный набор их приемов, а там один шаг до терроризма, и шаг этот давно уже сделан. Физкультура же (в отличие от спорта, где рвут жилы ради рекордов, принимают стимуляторы и все куплено-продано) есть всеобщее благо.

Случаи импотенции бывают у всех, особенно этим качеством отмечены люди с воображением. Именно эти сокровенные моменты важно не упустить. Вместо того чтобы обмирать от ужаса, покрываться холодным потом и лепетать оправдания (которые в самом деле никому не нужны. Заметьте, что в фильмах даже хорошим актрисам никогда не удается выразить возмущение импотенцией, выходит всегда ненатурально), следует, конечно же, ликовать. Крики "Ура!", "Свершилось!" и проч. дадут понять возлюбленной, что и она должна разделить ваш восторг. Немедленно она разделит его. И нечего трусить. Смело начинайте новую, наполненную жизнь.

Об импотенции лучше сразу оповестить всех друзей, сослуживцев и родню. Пусть завидуют. Лучше при этом показывать и какую-нибудь медицинскую справку, для солидности. Когда слух о вас распространится широко, вы будете поражены волной человеческого тепла, хлынувшей на вас. Женщины потянутся к вам отовсюду, особенно красивые ("очень красивые, топ-модели!"). В глазах их вы прочтете необыкновенно очаровательное выражение доверия к вам, самого подлинного свойства, ведь отныне вы не враг им. У сослуживцев уменьшится мотив соревновательности, а родня утвердится и успокоится в видах на наследство. Что до радостей половой жизни - наплюйте на них! Ну что хорошего, в самом деле? (Эстетически - так не лезет ни в какие ворота.) Не в этом таятся воспетые классиками "неизъяснимы наслажденья", нет, не в этом! Напротив, они теперь только смогут вам как следует открыться. Мало того, не исключено, да и наверняка, что именно в этом состоянии вас подстерегает новая, по-настоящему преданная любовь, в самом даже неожиданном месте. И вы, наконец, сможете продемонстрировать наилучшие качества своей души, не омрачая их похотливыми выходками или пошлыми заигрываниями.

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА

*

Начало 70х. В ЛОСХЕ идет обсуждение работ молодых художников секции ДПИ. Хвалят керамистку Z, потом переходят к работам ее мужа Y и начинают его яростно ругать, инкриминируя низкопоклонство перед Западом и подражание Пикассо. Выступающая дама обличительно-пафосно:

- К чему это может привести?

Громовой голос Y из задних рядов:

- К разводу!

(Рассказал В.Гориславцев, член группы «Одна композиция»)

*

Член правления секции ДПИ Z буквально монополизировал дизайн сигаретных коробок, штампуя их в несметном количестве и при этом невероятно халтуря. Его коллега, человек столь же высокого статуса, как-то не выдержал:

- Но ведь сам видишь, что плохо!

- Зато быстро!

(Рассказал Г.Капелян, член группы «Одна композиция»)

*

Идем с художником Z по Невскому. Навстречу историк искусства Y с девушкой лет на 30 младше себя. По слухам, нынешняя сожительница. Почти невинно цитирую Тэффи:

- Ничто так ни старит человека, как старая жена.

Z продолжает:

- И ничто так ни убивает человека, как жена молодая.

И ведь прав – таковы медицинские факты: дольше всех живут в браке ровесники.

*

Художник Z, полукровка, мрачно констатирует:

- С евреями я чувствую себя русским, с русскими – евреем...

- А со мной?

Агрессивно:

- А с тобой – человеком!

*

Жена художника Z, глядя на чудовищный, на ее взгляд, беспорядок в его рабочей комнате, безнадежно-отстраненно: "Сатана может жить только в хаосе".

*

Историк искусства Z, выступая на конференции «Петербургский диагноз» и говоря об уже покойном Тимуре Новикове: "Как вы все знаете, Тимур ушел на повышение..."

Пример физиологической и поведенческой разницы между мужчиной и женщиной.

Идем как-то с питерским коллекционером Z, знаменитым своей способностью за один день бывать на десятке открытых выставок, с одного вернисажа на другой, и вдруг я замечаю возле подворотни почтовый ящик со сваленными под ним изумительно фактурными кирпичами и, желая это сфотографировать, говорю Z:

- Подожди одну минуточку.

- Ты чего, потерпеть не можешь? До галереи всего сто метров осталось!

Яркий пример неотрегулированности российских рыночных отношений в сфере искусства.

Все у того же петербургского коллекционера Z в Манеже открывается выставка работ из личного собрания. Едва перерезали ленточку, вопрос знакомого:

- Ну, и сколько они тебе заплатили?

Через несколько минут вопрос другого:

- Ну, и сколько тебе пришлось им заплатить?

Кто кого обслуживает в этой ситуации, и кто платит за обслуживание?

*

На телесъемках выставки очень талантливого скульптора Z, на вопрос о зрителе, он, в соответствии с буквой времени, завопил: "Какой зритель! Мне покупатель нужен!"

*

Спрашиваю у превосходной потомственной художницы Z, хозяйки интереснейшей мастерской, где сплошь фарфор и керамика:

- А как с пылью борешься?
- Как и моя приятельница - ухожу из дома.

*

Как-то после очередного пирования в мастерской Z вывозит нас на от нее на машине пожилой и необыкновенно галантный гость-грузин. Очень медленно, можно сказать, респектабельно колесим по запущенным и грязным дворам, проезжая мимо помойки, где роются два бомжа. И вдруг востроглазая и энергичная Y, подруга Z и преподаватель Мухинского, едва не профессор, углядела в мусоре почти новый тубус. Оборачивается к нам:

- Тубус нужен?

Я, неисправимая барахольщица, истерически воплю: - Мне, мне очень нужен!

Машина останавливается, Y опускает стекло и, царственным жестом - рука в эксклюзивных перстнях - указывая на тубус, обращается к бомжам:

- Подайте ЭТО, пожалуйста.

Онемевшие бомжи беспрекословно подают тубус, даже не сообразив поклониться за него денег.

Y берет тубус, все так же царственно поднимает стекло, и машина трогается.

В этом тубусе теперь хранятся афиши выставок.

*

Неосторожно прочитала этот мини-рассказ в компании, хорошо знающей всех участников. Остаток вечера прошел в воодушевленных воспоминаниях о личных трофеях с помойки. Каждому нашлось, что вспомнить. И отчего халява так возбуждает?

Щедрость таланта.

Замечательный художник Александр Задорин ни минуты не может сидеть без дела. Заседание ГЭК в Мухинском училище, Задорин – председатель комиссии. Защита проходит в двух залах: начинается в одном, потом все переходит во второй, а столы, за которыми сидела комиссия, застланные дешевой оберточной бумагой, естественно, остаются на месте. Переход начался, и вдруг член комиссии Л. кричит мне что есть мочи от оставшихся пустыми столов:

- Быстро сюда! Стой, стереги!

Подскакиваю. Весь задоринский участок стола покрыт характерными и совершенно законченными рисунками. Произведения искусства! Л. убегает, возвращается с ножом, вырезает рисунки и по-братски со мной делится.

На следующий год предусмотрительно подсовываю Задорину стопку бумаги. Щедро отдает нам все нарисованное.

*

На защиты кафедры керамики и стекла в Мухинское хожу, как в свое время на выпуск Вагановского - каждый год. И так намозолила всем глаза, что как-то раз Задорин, председатель ГЭК, случайно встретив, строго напомнил мне о дате, добавив: "Не перепутайте, Вы же член комиссии!"

*

Занемогший великий историк искусства Z на вопрос о самочувствии: "Не спрашивайте, еле лежу."

*

В Саратов на открытие грандиозной выставки Русского музея прибывает петербургская делегация. Известный и очень влиятельный искусствовед Z, беспардонно квасивший всю дорогу, сходя по трапу самолета, мечтательно: "Если бы мы разбились, я уже был бы классиком..."

*

Стоим со скульптором Z возле его великолепной «Данаи», которая простому обывательскому взгляду может показаться ожиревшим борцом сумо, повалившемся набок. Я: "Глядя на подобные работы, понимаю, почему меня так любят скульпторы и просят быть моделью".

Нервный смешок - не готов к такому повороту разговора с арт-критиком.

*

На открытии парка современной скульптуры ведущий с манерами звезды Ленконцерта (специфический посыл с нажимом) ту же «ДанАю» пафосно назвал «Данией», а меня известным

скульптором. Пришлось объяснять почтенной публике, что вкрались опечатки.

*

Известнейший московский искусствовед Z с активным недоумением:

- Жить в мегаполисе и не стать мизантропом? Такое разве бывает?

*

Г.Капелян при попытке с ним посоветоваться:

- Советую со мной не советоваться!

*

Z, рафинированный эстет, приносит домой необыкновенно омерзительный по форме и росписи чайник и разворачивает его со словами:

- Он был так безобразен, что я не смог его не купить.

*

Представитель ЗАКСа на открытии выставки в Манеже был озабочен только одним: берег свое бутиковое кашемировое пальто от воздействия искусства.

*

После того, как несравненно больше стала общаться с художниками, чем с писателями, смело говорю о том, что поменяла ориентацию.

*

Полтора часовые обсуждения с Z различных аспектов художества смело называю сексом по телефону. А что может доставлять большее удовольствие? Разве что грандиозные выставки.

*

В традиционном обществе социум как бы говорил искусству: «Очисти меня! Сделай меня лучше, ближе к Богу!», теперь же кроме «Удиви меня!» других просьб не наблюдается.

*

А удивляли раньше только в цирке – кстати, именно цирк не выношу с детства. Видно, уже тогда предчувствовала, чем все закончится.

*

У коренного петербуржца ощущение пространства, как у степняка: земля должна быть плоской, неба должно быть много, и должно быть далеко видно.

Небоскребы у нас вопиюще противоприродны.

*

Колонна и портик. Есть ли что-либо более совершенное? Нагромождение увечных кристаллов Корбюзье? Биоморфизмы Гауди? Вырасти в Петербурге с его геометрической безупречностью и не быть классицистом? И не возмущаться всей этой новой пошлой мерзостью?

*

Смотрю в антикварном магазине старинные елочные игрушки, продавщица с удовольствием их демонстрирует и вдруг:

- А еще бывают такие огромные шары. Знаете, у нас в воронежской области ставят не елки, а сосны, и на них огромные шары! Красота! А здесь что? Елочки хиленькие, иголки слабые, игрушки маленькие, смотреть не на что!

А мы-то, мы-то все пыжимся, все гордимся, все думаем, что все в нашей культурной столице лучше всех!

ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ "ПЕТЕРБУРГ-2004"

Валентина СОЛОВЬЕВА. На дворе. Бумага, пастель

Валерий ЛУККА. Торс. Холст, смешанная техника

Александра КАМИНКЕР. Сосуды-светильники. Керамика

Петр КОННИКОВ. Путники. Холст, масло

Феликс ЛЕЙБОВИЧ. Текстильные тексты. Холодный батик

Анатолий ЗАСЛАВСКИЙ. День равенствия. Холст, масло

Кира СУВОРОВА. Марья Ивановна. Дерево

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

Что ж ты плачешь, дурак,
 Что ж ты плачешь,
 Все равно ни за что не заплатишь,
 Да и чем тебе, бедный, платить,
 Свистом-посвистом фью-фири-фить?
 Не накликай беды, дурачок,
 У нее и сачок, и крючок,
 И блесна, и живец, и уловка,
 Деревянная спецупаковка,
 И музыка из медной трубы –
 Трам-па-пам, ту-ру-ру, ба-ба-бы.
 Обещание помнить всегда,
 Снег вчерашний, в облаках вода,
 А пустого пространства невнятка –
 Воля вольная, только что всмятку,
 Не разруха, а неразбериха,
 Где песан, амфибрахий, пиррихий
 Вместе с чахлым еловым подлеском
 Вместо легкости лоска и блеска,
 Вместо логики смысла, резона,
 Полигон, разработки, промзона,
 Безъязыкая тягота жизни,
 Нутряное дыханье отчизны.

две малых фигуры бабка и внучка
 потешно неспешно идут под ручку
 ватные куклы в нелепых одеждах
 хранящих тепло как хранили прежде
 две фигуры согбенных ушедшего века
 нелепо прекрасные два человека

АРКАДИЙ ИЛИН

Вожди играют в диктатуру,
 в войну играют генералы,
 играют бедные в богатых,
 богатые играют в Бога,
 а Бог играет на трубе.
 Труба играет как придется,
 судьба, играя человеком,
 бредет туда, куда бредется,
 а человек, судьбой играя, —
 наивный, в общем, человек.

Рассказал сказку,
 написал быль,
 пережил драму,
 сыграл в комедии,
 спел в опере,
 станцевал в балете.
 А жизни
 как не было,
 так и нет.

ВЛАДИМИР БЕСПАЛЬКО

Не жена, но нежна и жива,
 На живую намечена ниткой.
 Тащит жизнь, словно домик улитка
 Иль мосты по теченью Нева.
 Вся из сна, ей и осень — весна,
 А зима — одуванчика вроде.
 И слеза на щеке как блесна,
 И наживка с крючком на излете.

На поводке у времени хожу:
 То в свет вхожу, то выхожу из света
 И становлюсь, подобно витражу,
 Проекцией зимы, весны и лета.
 Об осени ужели умолчу:
 Я осень рожден и ей воспитан.
 Она румяна, даже домовита,
 В плодах созревших жизнь ее сокрыта,
 Над суетой зажгла осин свечу.

ЮРИЙ ГАЛЕЦКИЙ

ЗАПИСКИ ТО СЕ

1
Скоро осень.
Старый сторож нюхает чай,
книжку пишет.

2
Какой весёлый день сегодня!
Крыша сыплется
на голову мне...

3
О! в девятнадцать лет
я гениален был...
Теперь же мал и глуп.

4
Во вторник произошла весна.
Брожу по потолку –
и грустно мне.

5
Как хорошо в саду моем!
Растет бутылка
на столе.

6
Поэт радостен,
возлюбленную сакурой придавило,
можно выпить.

ДМИТРИЙ ЧЕРНЫШЕВ

Каждый раз
я снова влюбляюсь...
- Не бойся, я с этим борюсь...
Я пытаюсь не думать о тебе,
а когда мы встречаемся, тщательно стараюсь
не называть тебя по имени,
не смотреть в глаза,
не отзеркаливать движения,
...ни в коем случае не допускать "случайного"
прикосновения.

Ты ведь сама знаешь,
как это будет больно -
разрешить себе глупую страсть.

БОРИС БЕРКОВИЧ

Уезжаем. Все в порядке.
Адресов унылый ряд
И могильные оградки,
Словно детские кроватки,
У обочины стоят.

Леса темного мельканье,
Ветра влажного напор
И холодное вниманье
Вечереющих озер.

Приезжаем. Все в порядке.
Надо строить стол, кровать,
Речь записывать в тетрадки,
Как лягушки в тесной кадке,
Масло лапками сбивать

Овцевозки тарахтенье,
Гор осевшие кули
За карабканьем-паденьем
К морю синему вдали.

ДМИТРИЙ ГОЛЫНКО

Из «ВЗЯТОГО С ПОТОЛКА»

1
взятое с потолка витает
в задранномверху воздухе
непослушном, купленный в шоппинг-зоне
иль на толкучке предмет передается
из рук в руки по эстафете

2
взятое с потолка дистанцию
держит, от греха подальше и от
элементов приязни, пошедший
на смарку пыл компанийский
чадит в коммуналке своим чередом

8
взятое с потолка на удивленье
великодушно, всем позволяет
себя потрогать, подмигивает
покровительственно, никогда не давит
на грязь, раздавленную другими

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН

Из рекламной – фантастической поэмы
«Мозги – XXI»

Глава 1. МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ

ЛЕЧЕНИЕ МОЗГОВ ВСЕХ ВИДОВ

Укрепление расшатанных мозгов.
Уплотнение разжиженного мозга.
Разжижение мозгов в любой консистенции.
Вскрытие коробки и установка мозга.
Наращивание дополнительных мозгов
из импортных и отечественных материалов.
Удаление мозгов в день обращения.
Перетяжка перетряска пересадка мозга.
Реставрация ветхих мозгов.
Изготовление и монтаж
недостающих мозговых извилин.
Зачистка мозгов
персональная и коллективная.
Мозги извилины вставим без боли.
Обслуживание вставленных мозгов.
Коррекция потенции мозга.
Оптимизация мозговой деятельности.
Включение и отключение мозгов
по индивидуальному заказу.
Лечение мозгов ногтей алкоголизм.
Мозги «эспераль» химзащита кодирование.
Мозги в рассрочку. Вставляй сегодня –
выплачивай завтра.
Вправим заменим отремонтируем
мозги срочно круглосуточно.
Низкие цены. Гибкая система скидок.

УХОД ЗА МОЗГАМИ

Стрижка бритье и укладка мозгов,
причесывание.
Прочистка прожарка промазка мозгов,
проветривание.
Продувка промывка полировка мозгов,
проглаживание.
Лакировка мозгов.
Пропитка антикоррозийными средствами.
Эффективное ращение мозгов,
прореживание.
Завивка мозговых извилин.
Вентиляция мозгов,
пропылесосивание.

ВАЛЕРИЙ МИШИН

встретил
человека без шляпы
человека без пальто
человека без зонтика
человека без паспорта
человека без опознавательных знаков

человек без шляпы никогда не носил шляпу
человек без пальто был холост
человек без зонтика был чем-то озабочен
человек без паспорта паспорт потерял
человек без опознавательных знаков
прошёл незамеченным

ещё
человека без чемодана
человека без штанов
человека без карманных денег
человека без хвоста
человека без юмора

человек без чемодана был с фотоаппаратом
человек без штанов без штанов и был
человек без карманных денег был без карманов
человек без хвоста оказался собакой
с обрубленным хвостом
за человека без юмора был принят
телеграфный столб

подумалось
почему все без чего-то
почему у всех чего-то нет

у человека без кашля нет памяти
у человека без имени и отчества нет билета
на проезд в поезде
у человека без воротника нет зубов
у человека без зубов тем более ничего нет
а человек без признаков жизни
вообще не попался навстречу
т.к. находился на месте
и был встречным
относительно идущих со всех сторон

НИКОЛАЙ ГОЛЬ

УТРО

Либи́до
лебедей.
Либо-либо:
любовь Любы
или -
лежу в могиле.
Давно.

Дав, но
не полюбив,
Люба уходит. Отлив
страсти.

- Здравсьте,
я - ваша тетя!
- Врете:
я - сирота.

...У рта -
скорбная сладка. Во рту
трупная ртуть -
еще бы, с утра-то!
Утрата.

Урарту -
государство в Азии.
Вымершее. В вазе и
на полу -
гортензии, полу-
опавшие. Чувство пола
у человека, вставшего с пола,
атрофировано.
Автора! Кефира! Ванну!
Оживу!
О, же ву
зем...

Зем-
ля
вращается в небесной сфере,
Мы - вместе с нею, с нами - бактерии.
О-ля-ля!

Глядя на карту,
не сыщешь Урарту.
Вот именно, бля.

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА

Жизнь - это сумма движений. Всего лишь сумма.
Череди глаголов, на первый взгляд, совершенного вида:
Встал, умылся, оделся, исчез без особого шума,
Пусть цветет душистой геранью ничья обида.

Пусть витает, словно панночка над Хомою,
Неизбежность ряда, сцепленье отлаженных действий.
Вышел в жаркое лето - и не вернулся зимою.
Где оставил память - не вспомнить. И не надейся.

Благословенна почта электронная,
Благословенна морось законная,
И влаге соприродная душа,
Благословенно все, что жить пытается,
Что за последний камушек цепляется
Над пропастью, скользя и не дыша.

Благословенно вечное усилие,
Благословенно пишущих обилие
И вовремя пришедшее письмо,
Благословенно нежное участие,
По сути, заменяющее счастье,
А, может быть, и счастье само.

ГОЛДА РОЙТЕНБЕРГ

Мой статус – вечный гость.
Таких гостей
за стол сажают мордой к циферблату,
кладут в тарелку ложку новостей
и наливают рюмочку обрату.
Не дай Бог что. Не дай Бог не уйдет.
Придется делать вид, что так и надо,
а дел полно – недоеное стадо,
некрашенный забор, и огород...
Ах трусость, мать пороков! Мне смешно.
Какая мелочь делает погоду...
Я путаю, что свято, что грешно,
но не вступаю дважды в ту же воду

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

если бы я курил
то вышел бы на балкон
сел на табурет
и смотрел свысока на город

можно со стаканом вина
но быстро достигнешь дна

а просто так
как-то не так

так и не выхожу
на балкон
не смотрю
свысока на город

БОРИС КОНСТРИКТОР

СОЦАРТ

я не люблю рабочих
я не люблю крестьян
я не люблю всех прочих
если с утра не пьян

хорошо! быть старым
хорошо! быть бедным
хорошо! быть пьяным
трупиком безвредным

АРСЕН МИРЗАЕВ

ВОТ ВЕДЬ ОНО КАК

душа просит возвышенного
хочется пойти на охоту
убить какого-нибудь
паука-червяка-муравья-мотылька
но они так малы и беззащитны
эти твари Божии

лучше пойти к пивному ларьку
и шлепнуть кого-нибудь по уху
чтобы на душе полегчало

но я ведь интеллигентный человек
что обо мне могут подумать

МИХАИЛ ОКУНЬ

В том городе семидесятых,
Где нету летнего сезона,
В угрюмых ватниках ребята
Долбают мёрзлые газоны.

Стоит веселая эпоха:
На лацканах алмазы блещут,
Рупь двадцать стоит водки «стоха»,
И люди честно рукоплещут.

Но тут – метель, огни разводят,
Скрежещет ковш, во тьму скользя.
И все идут – и все проходят
Там, где протиснуться нельзя.

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ, или НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

*Эрль приходит к человеку.
А. Альтшулер*

Неприятность у нашего друга:
у квадриги сломалась фрамуга...

НА ВСТРЕЧУ В СОЧИ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ТРЁХ НАРОДОВ
Путин, Шрёдер и Ширак
танцевали краковяк!

Однако же, - сказала существо. -
как пахнет это вещество!

Пришло письмо из Элисты:
предлагают гнать глисты.
Но не права та телеграмма:
всего лишь глупая реклама!

ЭЛЕГИЯ

И я когда-то был млекопитающим,
а стал теперь лишь в полнолуния летающим...

ЭПИТАФИЯ NN

Человеческое тело
слишком много хотело!..

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖЕНИТЬБЕ Н.Н.
Со страшной скалкою в руке — — —

ИЗ КНИГИ «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Сияет ясная луна,
цветёт сурепка.
Плюётся дева из окна,
плюётся метко.

*

В бюстгальтере на босу ногу
что ты грустно глядишь на дорогу?

*

Головной уставший мозг
издаёт протяжный визг.

ИСКРЕННЕЙШЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ*

Из девичьей пасти пусть слышится крик:
«Какой ты обманщик! совсем не старик...».

ЗАМЕТКИ О НЕЗАБВЕННОМ ККК

ТОСТ

Выходит мудрый таракан
на утренний простор.
Пусть будет полон Ваш стакан
от сих до этих пор!

Однажды Кузьминский сидел у окна,
а рядом зловредно журчала волна...

Кузьминский виден в амбразуре:
под ним струя светлей лазури!

Затеял Кузьминский метанье икры
и хрипло добавил: «сигей и ры-ры!»

Напрягая задни ноги,
шёл Кузьминский по дороге.

Хвост облезлый робко пряча
по полям Кузьминский скачет.

В детском платьице Кузьминский
вдоль по улице идёт,
грозным басом он хохочет,
нежным тенором поёт.**

Шёл по улице малютка,***
посинел и весь дрожал
и на разные е-мели
ничего не возражал...

*

I
Кузьминский, лёжа под столом,
следил зрачками за котом.

II

Кузьминский, вялою рукою
лаская нежного кота...

III

Как радостно! как весело журча
бежит кошачая моча!..

_____*

К шестидесятилетиям А.Х. и К.К.К.

**

Строка ККК.

Т.е., разумеется, К.К.К.

АНДРЕЙ СОКУЛЬСКИЙ

ЦЕЛЬ

думаю, стройная девушка на перекрестке - Ты
 думаю, что зря разводили тогда мосты -
 всё равно мы успели
 к цели
 а маленькая дырочка в бесконечности - путь,
 дверь открывается связкой,
 хотя можно плечом толкнуть
 извините,
 порваны нити событий
 неуволима-неугасима цель,
 говорят, нельзя
 совсем пройти без потерь,
 извините...
 18.03.05 г.

ЮЛИАН ФРУМКИН-РЫБАКОВ

* * *

темны мотивы страсти,
 темны и неизменны...

...у дельты на запястье
 Невы набухли вены

набухли вены веток,
 нагонная волна
 барокко лета в лету
 вгоняет, до темна
 вертит в водоворотках...

мы в питерских дождях
 сидим в домашних сотах
 у познеров в гостях...

случится в одночасье
 балтийская хандра

на три копейки счастья,
 дожди, как из ведра...

и никуда не деться,
 и близких не согреть,
 и нет от смерти средства,
 вот разве помереть...

ДАРЬЯ СУХОВЕЙ

ХОЛОДНОЕ ВИНО И ЗИМНИЕ ВОДЯНИСТЫЕ ПОМИДОРЫ

мы обязательно
 переживём эту зиму
 и следующую тоже
 обязательно переживём хотя она и нескоро

мы смотрим в окно такими же
 как яичница смотрела бы на нас
 ?

зимние водянистые помидоры

параметры нашей жизни
 в полупрозрачном полосатом пакете
 ветер и слёзы
 жизнь дана для того, чтобы смотреть на неё в окно

машины едут и едут
 медленно медленно медленно
 мы обязательно переживём эту зиму
 и подогреем, как-нибудь подогреем,
 принесённое с улицы вино

ЛАРИСА АРЕФЬЕВА

* * *

Полураздетые деревья,
 Своей ущербностью маня,
 Полураздетые деревья
 Печально смотрят на меня.

А ветер яростный, осенний
 Во всех садах вершит разбой.
 А ветер яростный, осенний
 Вновь завладел моей судьбой.

Но будем ждать прихода лета,
 Под хлестким съезжившись дождем.
 Но будем ждать прихода лета.
 И, может быть, всю жизнь прождем.

ВАДИМ ФИЛИМОНОВ

Хлебнуть хлеба Закусить
водой Понюхать солнце
Погреться под звездой.

Прижаться к воздуху
Искупаться в камне
Пожариться у льда
Прохладиться в огне.

Прокричать немо
Промолчать громко
Уронить что-то
Поднять Ничто.

Насладиться мукой
Устрашиться счастья
Нарядиться голым
И уйти скитаться

/2005/

Есть ли ещё во Вселенной
сырое мясо поэзии?
Или остались только электронные
лиры вяло бряцающие?
Не знаю, надо попробовать высшей пробой.
Задрожат души,
Лопнут барабанные перепонки,
Глаза вылезут из орбит,
Руки сами потянутся мастурбировать
вялые привески и пришлёпки,
Но будет уже поздно...
/2005/

Синее стало коричневым
Белое стало чёрным
Лёгкое стало тяжёлым
Верх превратился в низ
Последние стали первыми
И наступил конец.
/2005/

Мой бедный дом и бедные слова,
Лишь иногда не бедные, сияющие,
Потом - не иногда, все чаще,
Но и не всегда, всегда не существует.

Так иногда и снова иногда и снова,
Цепочка составляется чудесная, не цепь.
Поблёскивает светом не своим, а отражённым,
Фаворским, кажется, да, им!

О свете множество хитросплетений сплетено,
Я ж говорю, стараясь не вещать,
О том, который невещественный и вездесущий,
Ну, знаете? что творчество питает
И молитву, и просветленье,
Которое от света тоже явно и не таясь
Ведёт своё происхождение.
/2005/

Пока ты не поймешь,
Что любовь это только ты,
А объект - только повод твоей любви
/Ведь можно любить и Бога,
Который невидим, неосязаем,
Хотя и всемогущ и вездесущ /,
Ты будешь страдать от невозможности
Схватить и засунуть в себя то,
Что по наивности ты считаешь любовью
/2005/

АСЯ ШНЕЙДЕРМАН

ПРОГНОЗЫ

Диме

Месяц мечется, прячется.
 Вместо месяца – флюгер над Прачечным
 штормом штопором в сердце вворачивается.
 Тебе сквозь тумана месиво
 нетрудно дотронуться
 рукой – антенной
 до неба над Троицким:
 погода нелетная –
 жизнь отложена,
 но тебе к заливу
 вертолетом – взглядом
 умчаться несложно.
 Легко и скоро
 добудешь будущее,
 нет еще которого
 на сверхмодерновых
 метеоприборах:
 облачность,
 видимость,
 влажность,
 осадки,
 сила,
 давление,
 скорость,
 волнение,
 температура,
 текстура,
 фактура... -
 всему тобой дана
 точная оценка
 до доли мельчайшей,
 до сотой процента.
 Так средствами любыми
 (и числами небесными) –
 «Хочу любить! Хочу быть любимым!» -
 сигналишь о бедствии.

В каменной пустыне набережной
 знаешь прогноз своих слов,
 простых как природа? –
 Апокалипсис.
 Крушение мира...

Но чего ни услышит поэт,
 случайно спешащий мимо!..

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН

1

.....

Вот стихотворенья без названья.
 Без названья и без первой строчки.
 Без второй и третьей, между прочим.
 Начинается большим отточьем.
 И кончается глубокой ночью.

.....

2.

Или вот еще стихотворенье.
 Нет, скорее только описание.
 Описание рифмоговоренья
 как процесса умосозерцанья.
 Не стихи, но только картотека
 символов лирической печали.
 Например: луна, фонарь, аптека,
 серебристый отблеск черной шали.
 Не стихи, но перечень предметов,
 каталог сухих воспоминаний,
 только неразборчивая смета
 знаков бытового препинанья,
 протокол чувствительных уколов
 некой виртуальной процедуры,
 месиво непрошенных глаголов
 и сентиментальных каламбуров,
 Календарь расхожих суеверий,
 список беспорядочных названий,
 где «душа» соседствует с «не верю»,
 а «любовь» рифмуется с «не знаю»,
 Перебор досужих рассуждений,
 облаченных в рифмы даровые,
 где минуло чудное мгновенье,
 и зудят минуты роковые.

НИКОЛАЙ ЛУККА

Отец не скажет,
брат не говорит,
как жить мне дальше.
Я не приспособлен
жить так, как все живут.
Я птица!..
Вон парит орел!..
И я, размазывая сопли
красные по мостовой,
лечу.
Я пьян! Вином и водкою лечу
свою головку маленькую, птичью,
чтобы охотники меня случайно с дичью
не перепутали, ведь на носу сезон
охоты. Даже, говорят, у susi¹
сон пропал...

¹ susi - волк (финск.).

ОЛЕГ ФРОНТИНСКИЙ

Я был городским пейзажистом
Я рисовал дома.
 Замшевые брандмауэры
 Сводили меня с ума.
Я думал – из какой грязи
Выросла красота,
Пока не узнал, что это
Еще красота не та.
 Когда увидал воочию
 Сквозь пурпур осенних осин
 Тихо смотревшую в небо
 Лесного озера синь.
Его красота простая,
Чистая красота,
Она не подвластна кисти
И белизне холста.

АНДРЕЙ КАГАДЕЕВ

АФИША

В Цирке сегодня для вас Бенефис:
Слетят из-под купола кубарем вниз
Коверные клоуны Нокоть и Логоть
С веселой программой "Сатира и похоть"!

Весь вечер работать готов каучук
Горбун-акробат педераст Хлопотюк!
Близнецы малолетние Жапа и Жоба
Удивят православных прыжками из гроба!

Затем по арене верхом на метле
Проскачут тюлени парадом-алле,
Козлы и бараны, свиные животные,
Столь же смысленные и чистоплотные!

Проездом из Белгорода в Улан-Батор:
Верблюдо-дромадер-престижиджигатор!
Призы разыграет, кастрюльку и фен,
Дрессированный дятел-шутник Нулофен!

Ведет представленья вахтер при заводе,
Отставной шпрыхсталмейстер, дядя Володя!

На умных лошадаках сидят хорошо
Гордые горцы Чече и Шошо!
Глотали кинжалы всю жизнь на бахче
Гордые братья Шошо и Чече.

Финал: в закоулке
У пожарного склада
Всех ждет Гомункул
Из карманного ада.

Цырп!Цырп!Цырп!
Зырп!Зырп!Зырп!

СЕРГЕЙ БАРЫШЕВ

За окном слёзы льет Петербург,
Наш окончен роман.
Я в бессонные ночи свои
Изучил Ваших улиц туман.

Ваших бледных туманов вуаль
Золотая изморозь чуть
По асфальту тихо ползет
Отражений фонарная муть.

Над Сенатской ангел плывет
В ледоходе угрюмейших туч,
Отпусти мою душу домой,
Отпусти и не мучь!

Не случайно огромным желтком
Проплывало солнце в закат,
Зацепившись за острый шпиль,
Обагрило прибором накат.

Ты сказала, что все умерло,
Что любовь уже не ведет,
Что дорога ко мне тяжела,
И трамвай до меня не идет.

Только изморозь сеяла чуть
на озябшие руки мои,
Ожидая, что зерна её
Прорастут в новые дни.

ВЛАДИМИР ТРЕТЬЯКОВ

Прости меня за всё, моя родная,
Прости за сор возвышенной любви...
Прости за истину, что без конца и края,
Терзает, мучает тебя.
Прости меня за отзвуки пожарищ,
В сердцах сгоревшие навек.
Прости меня за пепелище рая,
Вместо сомнительных побед.
Прости меня за слёзы не пролитые,
Прости за наглость, самозванца страсть,
Прости меня за нивы не излитые,
Прости за всё, любви холодной власть!
09.03.05.

ПАВЕЛ БАРЫШНИКОВ

Стремительный неуловим Протей
И как иной раз не попасть в обман
Доступности невидимых полей
Остерегись задерживаться там
Не будь доволен призраком удачи
И не спеши закончив ставить точку
Когда все сделано иначе
Смелей и проще
Испытай готовность простотой
И все ли обороты перебрал
Любую стену можно смыть водой
Когда волна закручивает вал
Созвучия скрепляй значением смысла
Пустым красотам запросто не верь
Лишь на мгновенье в воздухе повиснув
Развеятся когда в них нет идей
И помни вдохновение это корень
А без него что пальцем по воде
Волна нахлынув возвратится в море
Приоткрывая камешки на дне
Не верь себе ты слеп и глух и разум
Тебя здесь не поймет и не поможет
Найти одну единственную фразу
И плоть стиха одеть в живую кожу

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ПЕРЕКЛИЧКА С БЫЛЫМ

1
Медлительна радость печаль остужать.
Не вижу в том пользы и проку.
Я мир этот вновь хочу постигать.
Хочу обнаружить поломку.

2
В расчётах нет резонансов: теряется размах.
И ветер жёстко цапает. Накатится волна.
И перламутры розовы у моря на ногтях,
И щебетанья галки налушался сполна.

6
Осень грабит леса, осень сеет тревогу.
Для такой голытьбы нет прикрас.
Ветер звезды задул. ..Рассветет понемногу.
Промах ветра полям не указ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ	2
КАТАЛОГ	3
ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ “ГЕРОИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ. 1950-Е - 1980-Е”	9
ВЫСТАВКИ	
“Решающее мгновение”. Жанровая фотография.	12
“Творчество музыкантов и артистов”	16
ЮБИЛЯРЫ.	19
ПУБЛИКАЦИИ	
Валерий Савчук. Граница свободы критика	33
Михаил Кузьмин. Из цикла “Годовые кольца, или Какая сейчас погода духа?”	35
Рашид Доминов. Этюды о фарфоре	38
ПРОЗА	
Валерий Мишин. Колиголическик рассказы	39
Олег Фронтинский. Телефон. Козочка	42
Виктор Тихомиров. Бей молодых! Самолечение	43
Елена Елагина. Худ. случаи	46
ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ “ПЕТЕРБУРГ-2004”	49
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	57

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
" М А Н Е Ж "

ДИЗАЙН - ЛАРИСА СКОБКИНА
ТИПОГРАФИЯ "ТЕТРА"
ТИРАЖ 500 ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ISBN
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005